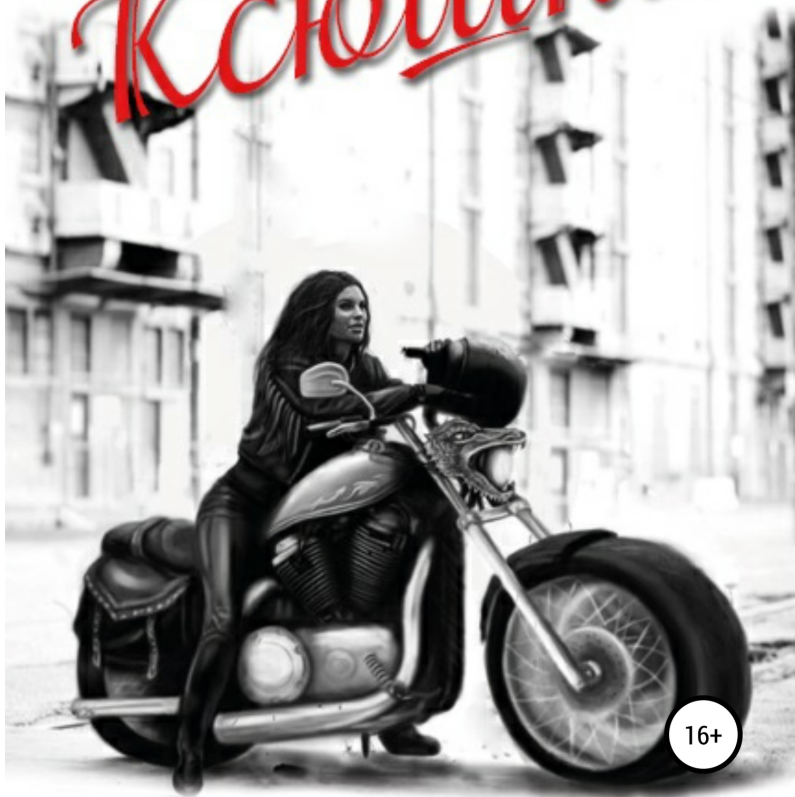

АЛЕКСЕЙ БАННЫЙ

Ксюшка

16+

Алексей Сергеевич Банный

Ксюшка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42340995

SelfPub; 2019

Аннотация

Когда в жизнь приходит сказка, хочется бросить к ее ногам весь свой мир. И уже нет разницы, как протекала жизнь до... Потому, что ничего не жаль за свое счастье. Когда сказка обрывается, не успев начаться, приходит боль. Приходит отчаяние, и никто не скажет, как жить с этим дальше. Потому что у них тоже есть своя боль. У каждого – своя. Но разве полноценно счастье, если его не с чем сравнить? К Ксюшке сказка пришла в шестнадцать. А закончилась, едва девушке исполнилось девятнадцать, оставив только память. И теперь ей предстоит ответить на самый главный вопрос... Как жить с этой памятью, когда каждый дом вокруг напоминает о рухнувшем счастье?

ПРОЛОГ

В ночной тишине квартиры пронзительно зазвонил телефон. Он отставил чашу кофе, уже шестую за этот вечер и часть ночи, и дрожащей рукой взял трубку.

– Да.

– Иван Михайлович? – спросил из трубки равнодушный женский голос. – Ваша жена уже рожает. Если хотите, то можете приехать.

Короткие гудки сообщили об окончании разговора, но он еще минуту слушал их. Слушал и думал о том, как же теперь изменится его жизнь.

Иван тряхнул головой, отгоняя захватившие его мысли, и набрал с детства знакомый номер. Гудок... Еще гудок...

– И какой безнадежно смелый идиот посмел тревожить мой покой? – раздалось в телефоне.

– Приезжай, – ответил Иван предательски дрогнувшим голосом. – Нужен. Очень.

– Что стряслось?

– Маша рожает. Мне нужно быть там.

– А сам?

– Сам не доеду.

– Понял, брат. Дай десять минут.

И снова гудки... Иван раздраженно бросил трубку на аппарат, быстро оделся и вышел в духоту июльской ночи.

Меньше чем через пять минут в спящий двор ворвался рев мотоциклетного мотора.

Иван выбросил едва прикуренную сигарету и сел на пассажирское место, молча хлопнув водителя по плечу. Мотоцикл сорвался с места и помчал своих седоков к единственной в небольшом провинциальном городке больнице.

Пустынная ночью дорога позволила водителю пустить под колеса сплошную линию разметки, избегая многочисленных выбоин давно не знавшей ремонта центральной улицы, и дорога до родильного отделения заняла не более пяти минут. Зато встречный ветер охладил разгоряченную мыслями голову и позволил Ивану взглянуть на грядущие изменения более спокойно.

Он станет отцом. Он этого ждал. Очень ждал. И столь же сильно боялся. Боялся тех изменений, которые неизбежно произойдут в его жизни.

Теперь он уже не сможет так просто уехать на слет или зависнуть со Стелсом в гараже, потягивая пиво и рассуждая о смысле бытия молекул моторного масла...

После свадьбы это уже было непросто, потому что была Маша. И Маша очень за него боялась. Не запрещала, но также не спала ночами, пока он с друзьями наматывал бесконечные километры, испытывая свои мотоциклы на прочность...

Мотоцикл остановился у приемного отделения, и Иван бегом ворвался в открытую по случаю теплой ночи дверь.

– У Симоновой кто? – спросил он у дремлющей за столиком старушки-санитарки.

Старушка уставилась на него непонимающим взглядом, явно не зная, что ответить. Иван кинулся к вышедшей в этот момент из коридора медсестре.

– У Симоновой кто?

– Еще рожает. Ждите в приемном, молодой человек. В отделение вам нельзя.

Иван развернулся и побрел к выходу. На улице молча курил у мотоцикла друг. Увидев Ивана, он подошел к крыльцу и коротко спросил:

– Как?

– Еще рожает.

– Будем ждать, – лаконично заключил друг. – И не трясись ты так. Смотреть на тебя жалко.

– Да пошел ты, Стелс, – огрызнулся Иван. – На тебя посмотрю, когда твоя жена рожать будет.

– Моя кто? – удивился Стелс. – И вообще, если жёны приводят к таким нервотрепкам, никогда не женюсь.

– Тогда я сам тебя женю. Из чувства мести.

– Там лавка в кустах есть, пойдем, посидим. Ждать, я чувствую, долго.

– Пошли.

Иван спустился с крыльца и пошел вслед за другом.

Прошло больше двух часов молчаливого ожидания. Иван был погружен в свои мысли и только курил. А Стелс не решился нарушить размышления друга и терпеливо ждал.

И только когда первые рассветные лучи окрасили небо, на

крыльце появилась та самая заспанная старушка.

– Кто про Симонову спрашивал?

– Я.

Иван подорвался и через секунду был уже возле нее.

– А вы ей кто?

– Муж. Не томи уже, мать!

– Дочка у тебя. – Старушка развернулась и зашла внутрь.

– Дочка... Дочь... – Иван рассеянно смотрел перед собой. – Дочь... Ксюшка... Ты слышишь, Стелс, – закричал Иван, не в силах сдерживать эмоций. – У меня Ксюшка родилась, скотина ты лохматая. Ксюшка....

I

Маленькая кухня с плотно закрытой дверью, окутанная клубами табачного дыма, как пуховым одеялом, ярко контрастировала своей тишиной с остальной квартирой. Там, за плотно закрытой дверью, раздавался смех, слышались разговоры, и громко играл магнитофон, из которого популярная певица сообщала миру о своей несчастной любви под жизнерадостную танцевальную музыку.

А в тишине кухни двое мужчин пили пиво. Двое очень похожих друг на друга мужчин.

– Как же мы до этого докатились, Ванька?

– А что тебе не нравится?

– Инвестиционные портфели мне не нравятся... Биржевые тренды...

– И это мне говорит директор регионального представительства одного из крупнейших холдингов страны. Стелс, очнись. Нам уже не двадцать. Мы солидные дяди и должны делать то, что нам не нравится.

– Не о том я мечтал в двадцать.

Мужчина, которого собеседник называл Стелсом, залпом допил пиво и задумчиво посмотрел в окно.

– Я валькирию купил вчера через сеть. Через две недели должны привезти.

Иван поднял удивленные глаза на друга.

– Ну, ты... Прокатиться дашь?

– Дам. Представляешь, Ванька. Я о ней десять лет мечтал... А вчера нашел предложение... Восемь тысяч пробега всего, пятилетняя.

– Ты сколько за нее отдал? Все заначки, небось, выгреб...

– Ну, не все... Хорошо отдал. И за доставку тоже хорошо отдал... Но мечта же того стоит.

– Не знаю... Моя мечта вон, – Иван кивнул на стену, из-за которой доносилась музыка, – пьянствовать изволит.

– Это у тебя есть семья. Дочка красавица... А у меня кроме работы никого.

– Стелс, не прибедняйся. А как же Юля?

– А что Юля? – Стелс отвлекся от созерцания вида за окном и открыл еще пиво. – Сейчас Юля. А до нее Катя, еще раньше Ира, Вера, Таня... Всегда одно и то же...

– А ты чего хотел?

– Честно? Чтобы как ты. Один раз жениться и больше ни о чем не думать. Юля тут решила меня вытащить на концерт «Премьер-министра». Вот думаю, просто послать, или месть какую придумать?

– Сходи для общего развития, – предложил Иван. – Порадуй девочку. Она, похоже, честно пытается произвести на тебя впечатление. А потом на слет её вывези.

– Коварная ты скотина, Ванька. Ты можешь представить себе Юлю с ее маникюром и манерами где-нибудь в Малоярославце? Верхом на байке и в обнимку с пивом... Я не могу.

Неожиданно открылась дверь, и в проеме появилось симпатичное, слегка курносое личико молоденькой девушки, длинные русые волосы, рассыпавшиеся по хрупким плечам и покрасневшие щеки которой выдавали крайнюю степень возбуждения, а яркие зеленые глаза буквально светились счастьем.

– А накурили то... – девушка легко скользнула в приоткрытую дверь. – Я вам тут компаньона привела. Пустите?

– Пустим, – ответил Стелс. – И даже не покусаем.

Девушка смерила мужчину презрительным взглядом и открыла холодильник.

– Кстати, дядь Кость. А ты чего без Юльки?

– Она просила передать извинения, но у нее возникли неотложные дела, – заученно проговорил Стелс. Как будто фраза была готова заранее.

– Ясно. – Девушка коротко пожала плечами и достала из

холодильника две бутылки вина. – Маникюр, педикюр, камешки на сиськах. Пусть потом похвастаться не забудет. Все, бегу. Да. – Девушка остановилась уже у самой двери. – Мама спрашивает, вам что-нибудь, кроме ностальгии, нужно?

– Нет, Ксюш, – ответил Иван. – Нам всего хватает.

– У нас же холодильник есть, – добавил Стелс. – Где твой обещанный компаньон?

– Потерпит. Мы, скоро гулять пойдем. В парк.

– К полуночи то будешь?

– К целой полуночи? Папа... Вы подозрительно добры. – Девушка подошла к отцу, и легонько поцеловала его в щеку. – Конечно, буду. – И выпорхнула из кухни.

Вечер стремительно катился к своему логическому завершению. Вино давно закончилось. И то, что взяли из дома, и то, что потом купили в магазине. Разошлись по домам друзья и подруги, с которыми шумной и веселой компанией она оккупировала сегодня городской парк. С ней оставался только Миша. Ее нынешний молодой человек. Не самый лучший, но любимый. По крайней мере, она хотела так думать.

Это был хороший вечер. И если бы Миша так не напился, то он, наверное, мог бы стать лучшим за всю жизнь. А так просто хороший. Ксюшка подняла глаза и посмотрела на почти уже ночное небо. "А ведь красиво... – подумала она. – Звезды, ночь..."

– Ксюш.

Девушка отвлеклась от своих мыслей и посмотрела на спутника.

– Ксюш. Я чего сказать то хотел... Мы же уже месяц вместе, да. Может уже пора, это...

– Миша, ты пьян. И я так не хочу. – Понять мысль молодого человека труда не составило.

Если бы кто-то спросил у нее сейчас, почему из всех, кто добивался ее расположения, она выбрала именно Мишу, Ксюшка вряд ли смогла ответить. Месяц назад, когда они познакомились, он показался ей почти настоящим мужчиной. На год старше, высокий и симпатичный, он произвел тогда впечатление. Да и Настена, которая их познакомила, очень его нахваливала. Но девушке немного надоели за этот месяц однотипные разговоры про футбол, пацанов и училище, в котором он, судя по его рассказам, больше числится, нежели получает знания. Но сам Миша ей, тем не менее, нравился.

– А чего не так? Никого нет. Чего ты?

– Миша. Я же сказала, нет. Ты пьяный. Давай не будем ругаться...

"А ведь и правда, никого вокруг. – Ксюшка беспокоино огляделась. – Даже странно... Вечер такой теплый... И до дома так далеко..."

До дома ей и в правду было достаточно далеко. И как они оказались в этом, абсолютно незнакомом ей дворике, Ксюшка вряд ли смогла бы вспомнить. Просто гуляли, захотелось посидеть, отдохнуть. А на центральной улице лавочек не бы-

ло, похоже, никогда. И они свернули в этот небольшой и уютный, запрятанный от посторонних глаз двумя старенькими пятиэтажками и густо засаженный сиренью дворик.

– Не понял. – Миша с силой повернул ее к себе. – Ты меня динамишь что ли?

– Миша. Мне больно, ты что делаешь?

– Больно тебе?

Щеку резко обожгло болью, а через секунду боль появилась в плече и боку... Ксюшка свалилась с лавочки и попыталась отползти.

– Сука, – донесся до нее голос Миши. – Никому не позволю меня динамить. Я тебя сейчас...

Он завозился с ремнем, девушка вскочила и со всех ног кинулась к ближайшему подъезду, открытому настежь по случаю летней жары. "Стой, сука," – раздалось сзади, но она успела забежать и закрыть за собой кодовую дверь. И заплакала.

Она сидела на последнем этаже, на самой верхней ступеньке, и отчаянно плакала. Она никак не могла понять, почему все так? За что? Что она сделала не так? Вопросы бегали по кругу, бесконечно сменяя друг друга со скоростью экспресса, и Ксюшка никак не могла успокоить текущие из глаз слезы.

Она не знала, сколько прошло времени, да и не хотела знать. Выходить все равно было страшно. А телефон выпал

из кармана джинсов и, наверно, до сих пор лежит возле той лавочки. Если уже не забрал никто. Ксюшке сейчас было безразлично все, происходящее вокруг. Просто казалось, она нашла самое спокойное и безопасное место в мире, и теперь в сотый раз пыталась сама себе объяснить, почему такой замечательный день закончился именно так...

Из этого состояния её безжалостно вырвал достаточно приятный мужской голос.

– Красавица. Я понимаю, ты безумно занята важным делом. Но мне уж очень хочется кушать. Пропусти уже домой.

Ксюшка подняла глаза и испуганно вскрикнула. Больше всего парень был похож на стального дикобраза. Плотная кожаная куртка, которую Стелс называл косухой, была вся просто усеяна стальными шипами сантиметров по пять длиной. Удобно ли ему было так ходить, осталось для Ксюшки загадкой. Образ дополняли кожаные же штаны со шнуровкой по бокам, ботинки с квадратными носами, ярко-голубые глаза и коротко стриженные волосы на голове.

– А ты давно тут стоишь? – спросила Ксюшка.

– Минут десять точно. Не хотел тебе мешать. Но кушать хочу зверски. – Парень едва заметно улыбнулся, и протянул ей аккуратно сложенный носовой платок. – Держи. Тебе сейчас нужнее.

– А я разве мешаю? – Ксюшка взяла платок и аккуратно вытерла следы поплывшей косметики. Насколько это было возможно без зеркала.

– Да как тебе сказать. Мне будет трудно открыть дверь, не отодвинув тебя.

Ксюшка обернулась, и только теперь заметила, что действительно опирается плечом на дверь квартиры.

– Ой, извини. – Ксюшка смущенно улыбнулась, и на душе стало как-то легче.

– Вставай, пойдем.

– Куда?

– Ко мне. – Парень уже открыл дверь. – Чаем тебя напою. С липой. И голодная, наверно, еще...

Ксюшка вспомнила произошедшее этим вечером и заколебалась...

– Пошли. – Парень протянул ей руку в черной кожаной перчатке. – Не бойся. Насиловать тебя я не буду. Честно. Это, как минимум, не спортивно.

И она поверила.

Квартира поразила ее чистотой. Настоящей, камерной. Почти больничной стерильностью. Все было настолько тщательно убрано, выметено, вымыто, и расставлено по своим местам, что ощущение обжитости, свойственное любому жилью, в котором Ксюшке доводилось бывать, отсутствовало напрочь.

– У мамы пунктик насчет чистоты и гигиены, – ответил парень на невысказанный вопрос. – Поэтому все так.

– Да я как-то... – голос Ксюшки сбился, и она почему-то

смутилась, хотя никогда не считала себя робкой девушкой.

– Все спрашивают, кто первый раз заходит. Порядок, конечно, хорошо, но не на грани фанатизма. Проходи на кухню.

– А маме твоей мы не помешаем?

– Лето, – ответил парень. – Мама на даче. Так что не переживай. Никого, кроме нас, тут нет, а я не страшный.

Кухня была столь же чистой, что и прихожая. Как будто ею никогда не пользовались, только мыли. Парень, к тому моменту снявший свою шипованную куртку и оставшийся в легкой футболке, уже вскипятил воду в электрическом чайнике и колдовал над чашками, добавляя к простому чаю какие-то травы.

– Тебя как зовут-то? – спросил он, ставя перед Ксюшкой ароматно пахнущий чай.

– Ксюша. – Она опять смутилась, и покраснела.

– Ксения, – поправил парень. – Представляйся лучше полным именем. Тем более, оно у тебя очень даже красивое. Меня Василием назвали. Можно просто Еж.

– Почему?

– Потому, что колючий, – улыбнулся парень. – Пей, пока не остыл. Дома знают, где ты?

Ксюшка отрицательно покачала головой и сделала маленький глоток. По телу сразу разбежалось приятное успокаивающее тепло.

– Сейчас телефон принесу. Отзвонись, а то, наверное, волнуются.

– А сколько сейчас времени?

– О, чай начал действовать. – Василий снова улыбнулся. – Ты пей, пей. Он только горячим хорош. Холодный и пить противно будет. Половина третьего уже.

Ксюшка поперхнулась чаем и с мольбой посмотрела на Ежа.

– Ничего не объясняй. Скажи, что у подруги, засиделись. Приедешь утром. Будет время создать алиби.

– Ты читаешь мысли? – удивилась Ксюшка.

– В твоём случае это не сложно. Сейчас телефон принесу. И бутербродов нарежу.

Он вышел из кухни и через минуту вернулся с трубкой радиотелефона. Ксюшка набрала знакомый с детства номер, ожидая самого страшного, что только можно придумать...

– Ксюха, ты? – ответил из телефона сдавленный шепот.

– Дядя Костя? – этого Ксюшка не ожидала совершенно.

– Ты где шлюхаешь? – зарычала трубка.

– Я у Настены осталась, – скороговоркой проговорила девушка. – Телефон найти не могу. Потеряла, похоже. Утром буду. Как там родители?

– Спят. Напоил кого пивом, кого корвалолом. К полудню чтоб была, а то лично жопу надеру. Не посмотрю, что большая.

Трубка коротко загудела, давая знать, что разговор окончен. "Могло быть и хуже, – подумала девушка. – Стелс не самое страшное зло. Мама бы сейчас часа два в трубку ора-

ла..."

– Сказали к полудню быть. – Сообщила Ксюшка.

– Успеем, – ответил Василий и поставил перед ней тарелку с обещанными бутербродами. – Кушай. Я пока в душ схожу. Запылился в дороге.

Ксюшка отпила еще чая, и, облокотив голову на ладони, в очередной раз вспомнила о поступке Миши. Как ни странно, но плакать больше не хотелось. Просто было очень обидно. Обидно из-за собственной ошибки. Она сделала еще глоток чая, снова закрыла глаза...

И открыла их от того, что солнце немилосердно светило в глаза сквозь неплотно задернутые шторы. Ксюшка огляделась. Она лежала на большой двуспальной кровати, рядом с откинутым во сне одеялом, в целом ворохе подушек. Почти обнаженной. Из одежды на ней оставались только трусики. Поэтому при звуке открывающейся двери девушка змейкой заползла под одеяло и сжалась в комочек.

В комнату вошел Василий, одетый только в легкие, весьма потрепанные шорты. И вместе с ним ворвался дразнящий запах свежесваренного кофе.

– Доброе утро, Ксения. Время десять часов. Пора вставать, если ты хочешь успеть домой к полудню.

– Это ты меня раздел?

– Я, – не стал отпираться парень. – Не класть же тебя в одежде. А в лифчике спать вредно. Спине нужно давать от-

дых. Одежда в ванной. Я ее почистил немного. Уже почти высохла. – Он вышел из комнаты, и добавил уже из коридора: – На тумбочке футболка. Надень пока.

Ксюшка влезла в черную футболку с нарисованным драконом, которая на ней сразу превратилась в достаточно свободную тунику. Особенно учитывая, что хозяин футболки был прилично выше самой Ксюшки. Хотя она, при росте в метр семьдесят, никогда не считала себя маленькой.

Её взгляд упал на зеркало, и она невольно собой залюбовалась... Длинные распущенные волосы, футболка, спускающаяся немного ниже бедер, и стройные ножки... Образ получился достаточно сексуальным, но, похоже, это никого, кроме самой девушки, тронуть в этой квартире не могло. "Даже обидно", – подумала Ксюшка и вышла из комнаты.

Неспешно позавтракав за разговором ни о чем, переодевшись и приведя волосы в порядок, молодые люди вышли из подъезда только через полтора часа. Ксюшка подошла к лавочке, но телефона не нашла и вернулась к Василию, который к тому времени уже завел мотоцикл. Девушка села на пассажирское сидение и попыталась обнять водителя. Но Еж мотнул головой и указал на ручки, установленные по бокам от сидения. Да и вряд ли шипы позволили бы к нему прижаться. Мотоцикл тронулся, неспешно выкатился из двора и, набирая скорость, помчался к Ксюшкиному дому. Поворот, разгон, еще поворот... И Ксюшка пронзительно закричала от переполнивших её эмоций. Это была ее первая по-

ездка на мотоцикле. Мама, не понаслышке зная об опасности этого транспорта, строжайше запретила и папе, и Стелсу катать ее на мотоциклах и вообще всячески приобщать её к их культуре. Так и сказала: "Мне нужна дочь, а не механик в юбке". По крайней мере, именно так рассказал однажды перебравший коньяка дядя Костя. К какой именно культуре, правда, не уточнил.

Ксюшка оглушительно кричала, пока в легких не кончился воздух. А потом закрыла глаза, подставив разгоряченное лицо встречному ветру, и ехала так, пока мотоцикл не остановился. А открыв глаза, она с сожалением увидела свой двор. Пора было идти домой и получать наказание. О том, что произошло с ней этой ночью, она решила не рассказывать.

– Ну и где ты была, дочь шалопая?

Разнос начала мама. И это было плохо. Папа мог накричать, мог даже выпороть, хоть этого давно и не случилось, только в детстве. Но папа не мог сердиться долго. В отличие от мамы, которая никогда не повысит голос, но наказание придумает долгое и тяжелое. Ксюшка приготовилась к худшему.

– У Насти.

– А во сколько ты должна была дома быть?

Ксюшка виновато опустила голову и внимательно изучала линолеум на кухне. Такой знакомый...

– К полуночи.

– А явилась?

– К полудню.

– Есть что сказать в оправдание?

Девушка подняла глаза и поняла, что лучше молчать.

Взгляды родителей не предвещали ничего хорошего, а дядя Костя вообще отвернулся к окну.

– Нет, – ответила девушка.

– С телефоном что? – Это уже папин голос... Ксюшка невольно вжала голову в плечи.

– Потеряла.

– И как тебе их покупать после этого... – Иван отвернулся к окну, всем видом выражая смертельную обиду.

И Ксюшка понимала, что обидеться было на что. Телефон не пробыл у нее и нескольких часов. Последняя модель самсунга. Довольно дорогой подарок родителей на день рождения, который теперь достался неизвестно кому. Ксюшка тяжело вздохнула и снова посмотрела на родителей.

– В общем, так. Неделя домашнего ареста. Выйти можно только в магазин за продуктами, не более часа в день. Справедливо?

– Мам, но неделя...

– По-моему справедливо. Все. Иди в свою комнату. И за тобой уборка в квартире.

Ксюшка вышла из кухни и улыбнулась. В принципе все могло закончиться и хуже. Не сказать, что она была непо-

слушной дочерью. Наоборот, Ксюшка всеми силами старалась не расстраивать родителей. Тем более, не так уж и много с нее требовали. Хорошо учиться, поддерживать чистоту хотя бы в своей комнате и вовремя приходить. И сегодня она одну из догм нарушила. Но почему-то в этот раз она не испытывала ни раскаяния, ни угрызений совести.

Ксюшка вошла в свою комнату, стены которой были больше похожи на иконостас звезд современной поп-музыки, и первым делом схватила трубку радиотелефона, и, набирая номер лучшей подруги, упала на любимый диван.

– Настюха, руки в ноги, и ко мне. Такое расскажу, – выпалила девушка в трубку, едва ей ответил сонный голос подруги.

– А что случилось, что ты мне в час утра звонишь?

– Давай быстрее, – прикрикнула Ксюшка, и потом уже шепотом добавила: – Если что, я ночевала у тебя.

– Что? А где?.. Сейчас, моську нарисую, и приду.

Ксюшка положила трубку и пробежалась по постерам на стене глазами. "Странно, – подумала девушка. – Я ведь совершенно не помню, какого цвета у меня обои в комнате..." Уже через секунду она остервенело срывала постеры со стен, рвала их и кидала в кучу в центре комнаты. В полном молчании. И остановилась, когда более ничего, кроме мебели, не закрывало красивые, выбранные когда-то мамой, бледно-голубые обои с крупными бронзового цвета листьями какого-то растения.

– Вот так, – тихо сказала девушка, восстанавливая дыхание. – Теперь красота.

В дверь позвонили.

Открывать дверь девушка не пошла. Все равно через несколько секунд она услышала радостное щебетание подружки. Ксюшка собрала обрывки постеров в пакет, оставшийся после какого-то подарка, и понесла на кухню выбрасывать.

В коридоре она столкнулась с Настей.

– Это что? – подружка кивнула на пакет.

– А, ремонт. Иди в комнату, я сейчас.

Ксюшка вернулась в комнату, устроилась в кресле за компьютерным столом и мечтательным взглядом посмотрела в окно, наслаждаясь нетерпением подружки.

Терпения у Насти хватило секунд на двадцать.

– Так, Ксюня. Или начинай говорить, или я пойду. Мне Антошка уже два раза сегодня звонил. Предлагал встретиться. Рассказывай. У вас с Мишкой вчера было?

– Мишка... – Девушка перевела взгляд на подружку. – Мишка твой урод и козел. Но я на него не сержусь... Какие у него глаза... Настька... Я пропала.

– У Мишки?

– Да причем тут Мишка? Этот хрюндель вчера нажрался и попытался меня изнасиловать. У Ежика... – Ксюшка снова отвернулась к окну.

– Подожди. – Настя потерла виски, пытаясь разобраться

в услышанном. – Запутала. Давай по порядку. Кто пытался изнасиловать?

– Миша твой.

– Почему?

Девушка смерила собеседницу скептическим взглядом.

– Потому что матом. Урод он, что с него взять.

– А глаза у кого?

– У Ежика... – Взгляд Ксюшки снова стал мечтательным.

– У лесного?

– У пустынного. Насть, что за глупые вопросы. Зовут его так. Ёж.

– Странное имя.

– Имя у него нормальное. Василий. Но Еж ему больше идет.

– Так, подруга. Харе мечтать. Рассказывай давай.

– Ну, слушай... – Ксюшка повернулась к подруге и начала рассказывать.

– Вот это приключение, – резюмировала рассказ Настя. – Я тебе даже завидую... Только без изнасилований желатель-но.

– Не напоминай, – поморщилась Ксюшка.

– А ты у него номер-то взяла?

– Он сам написал, – призналась девушка. – Только мне звонить страшно. Вдруг я ему не понравилась. Или маленькая... Я ведь даже не знаю, сколько ему лет.

Ксюшка заметалась по комнате, не в силах сидеть на ме-

сте.

– Так давай я позвоню, – предложила Настя. – Послушаю, что там за голос такой чудесный.

– Еще чего. – Ксюшка резко остановилась и схватила трубку телефона. – Уведешь еще, знаю я тебя.

Она достала из заднего кармана листок с номером, набрала и стала ждать ответ.

– Поставь громкую связь, – прошептала Настя, но девушка лишь отмахнулась от подруги.

Ответа не пришлось ждать долго.

– Гестапо, третья пыточная, слушаю, – раздался в трубке знакомый голос.

– Ой. А мне Василий нужен, – Ксюшка растерялась от такого приветствия.

– Говорю же. Слушаю.

– Привет. – Девушка совершенно не знала, о чем говорить. – Это Ксения, которую...

– Аве, Ксения, – перебил собеседник. – Как ты? Не сильно наказали?

– Неделя ареста. Многовато, но могло быть и хуже...

– Печально. – В его голосе скользнули нотки грусти. Или показалось? – Хотел тебя вытащить на променад вечером. Придется ждать...

– Куда вытащить? – не поняла Ксюшка. – Это какой-то клуб новый?

– Как все запущено... Ну, ничего, научим. Извини, кра-

сота. Я сейчас не очень свободен. Позвоню тебе попозже. И ты звони, как наказание отбудешь. Не скучай. – Собеседник положил трубку.

– Ну что? – Настя от нетерпения едва не прыгала.

– Не поняла ничего, – честно призналась Ксюшка. – Назвал красотой. Звал в какой-то променад... Сказал, что перезвонит... Пошли чай пить. Голова кругом идет...

Когда-то давно, как будто в совсем другой жизни, когда ей исполнилось девять, и Ксюшка собиралась идти в третий класс, мама подарила ей десять толстых тетрадей. И научила вести дневник. И даже заставила врезать в верхний ящик тумбочки ее письменного стола замок, ключ от которого был только у Ксюшки. Этот дневник теперь насчитывал четырнадцать тетрадей, и хранил в себе все тайны и переживания хозяйки.

Два дня Ксюшка читала и перечитывала его порядком истрепанные страницы, не забыв записать свежие строчки об ее неожиданном приключении. От дневника у нее тайн не было. Уже два дня она отбывала свой арест, выходя из дома только за свежей порцией пирожных или других кондитерских вкусностей.

В первый день ареста она столкнулась у подъезда с Мишей, который пытался неуклюже извиняться. Ксюшка не сдержалась и, вlepив ему пощечину, высказала все, что думала по этому поводу. Двое парней, судя по всему, Мишина

группа поддержки, улыбались, наблюдая за представлением. В завершение монолога девушка наградила поклонника еще одной звонкой оплеухой и ушла домой. А в дневнике появилась запись о том, что эта страница ее жизни окончательно перевернута.

На третий день сидеть одной в буднично пустой квартире стало невыносимо. К тому же родители не проверяли, дома ли она, или нет. Ксюшка взяла телефон, с минуту колебалась, слегка покусывая трубку, и со словами: "Плохая я все-таки дочь", набрала выученный за эти дни наизусть номер.

– Аве, Ксения, – Еж ответил почти сразу. Как будто ждал звонка.

– Я больше не могу дома, – вместо всех заготовленных фраз выпалила Ксюшка. – Еж, миленький... Укради меня отсюда.

И сама испугалась того, что прозвучало.

– О как... – Парень удивился просьбе не меньше. – Бунт. Бунт это весело. У тебя пятнадцать минут на сборы. Я еду.

И все. Трубка загудела, и девушка без сил опустилась в кресло. В голове промелькнула мысль "Что я делаю?", но голос совести быстро отступил под напором предвкушения чего-то нового в ее жизни. Ксюшка вскочила и открыла шкаф, лихорадочно соображая, что же надеть. В итоге выбор пал на бледно-голубые джинсы, белую футболку с логотипом HardRockCafe, которую ей подарил Стелс в прошлом году, строго наказав не надевать при маме. Правда, он промахнул-

ся размера на три, но Ксюшка берегла эту футболку и связанную с ней тайну как зеницу ока. Окончательно её сегодняшний образ довершил высокий хвост и белоснежные кроссовки. И самый минимум макияжа, как мама учила.

Ксюшка остановилась в дверях, оглянулась на свою квартиру и, закрыв дверь, быстро сбежала по лестнице. Во двор уже ворвался ни с чем не сравнимый звук мотоциклетного двигателя.

К тому моменту, как она выскочила из подъезда, Еж уже остановился напротив.

– А ты красивее, когда не плачешь, – приветствовал ее парень. – Шлем возьми в сумке. Мы по трассе поедem, там пост стоит.

Ксюшка достала из сумки, прикрепленной у заднего колеса мотоцикла, черный блестящий шлем с нарисованным на нем скорпионом.

– Какой симпатичный. Чей? – спросила Ксюшка, разглядывая переливающийся рисунок.

– Мой. Старый. Вчера из гаража забрал. Как чувствовал...

– А почему скорпион?

– Я по гороскопу скорпион. – Василий надел шлем, и жестом показал "садись".

Ксюшка тоже надела шлем, немного замешкалась с ремнем, но через минуту заняла пассажирское место и только теперь заметила, что Еж одет не в свою шипованную куртку, а в легкий кожаный жилет, застегнутый спереди на молнию.

Она обняла водителя, прижавшись к нему всем телом, и байк резко сорвался с места, заставив душу девушки испуганно сжаться внизу живота.

Они ехали около часа. И когда мотоцикл остановился, Ксюшка уже вполне могла себя контролировать. Первоначальный восторг от поездки по городу, сменившийся щемящим страхом от гонки по скоростной трассе с лавированием в потоке мчащихся авто и резкими маневрами уже прошел. Большую часть дороги девушка проехала, крепко зажмурившись и прижавшись к водителю всем телом, и только вздрагивала при очередном перестроении. Когда же она решилась открыть глаза, Еж уже свернул с трассы на проселок и сбавил скорость.

Остановился он у неширокой реки, на маленькой полянке, укрытой от посторонних глаз небольшим подлеском, но имеющей при этом удобный песчаный спуск к воде. Девушка слезла с мотоцикла и огляделась. Чистое и ухоженное место производило впечатление. Ни обычного в таких местах мусора и пустых бутылок, аккуратно обложено кирпичом место для костра со вкопанным рядом маленьким мангалом и сложенные из бревен лавочки. Даже небольшой столик имелся.

– Мы сюда с ребятами иногда приезжаем, – сказал Еж в ответ на ее удивленный взгляд. – Любимое место. Тихое, спокойное.

– А не боитесь, что разрушат?

– Нет. Мы с местными деревенскими договорились. Мы тут все сделали, они пользуются, и приглядывают заодно. Правило простое. Чтобы было цело и чисто. Ладно, осматривайся, пойду дровишек наберу.

Парень развернулся и отправился к лесу. Ксюшка перевела взгляд на речку и противоположный берег. И замерла от увиденного.

Противоположный берег был метров на пять выше и представлял собой ровную отвесную стену песочного цвета. И к самому краю этой стены подступал настоящий густой лес из высоких, корабельных, как их называют, сосен, уходящих своими верхушками, казалось, к самому солнцу. Идеально ровные ряды деревьев натолкнули девушку на мысль о каком – то сказочном воинстве, построенном для сокрушительной атаки. Казалось, еще какая-то ничтожно малая секунда, и эти вековые богатыри пересекут узкую, не больше десятка метров, полосу воды и сокрушительной лавиной обрушатся на жиденький подлесок из березок и орешника, сметут его и установят власть леса над противоположным берегом. Навсегда. Ксюшка почти физически ощутила спящую в стоящих на другом берегу деревьях силу. Силу, к которой нестерпимо хотелось подойти как можно ближе, стать ее частью, напитаться ей.

Девушка вздрогнула от ощущения подползающей к шее прохлады, и наваждение пропало. Речка, несмотря на не

слишком впечатляющую ширину, оказалась неожиданно глубокой и холодной, и к тому же с сильным течением. Всего несколько шагов от берега, и Ксюшка почти скрылась под водой, промочив при этом всю одежду.

– Ксения, – окликнули ее с берега. – Стесняюсь спросить... Ты в купальнике?

– Нет. – Ксюшка густо покраснела и опустила голову.

– Тогда вылезай, будем сушить одежду.

Василий отошел от берега и занялся разведением костра. Девушка чертыхнулась про себя и стала выходить из воды. Отступать ей все равно было некуда. Когда она вышла из воды, Еж скептически оглядел промокшую спутницу и, не произнеся ни слова, снял с себя футболку и протянул девушке.

– Переодевайся, а то заболеть так не долго. Только мокрое снимай полностью, включая белье. Пойду еще дров принесу. – Он улыбнулся, и снова исчез в лесу.

Ксюшка избавилась от своей одежды и быстро влезла в футболку, поймав себя на мысли, что прикрывающая бедра футболка Ежа и ее стройные ноги, похоже, становятся традицией их общения. С той разницей, что теперь девушка оказалась совершенно без белья.

К возвращению мамы с работы она все-таки успела. Правда, для этого Ежу пришлось нарушить почти все правила дорожного движения. Впорхнув в квартиру, она приняла душ, переделась в домашнее и, закрывшись в комнате, по горя-

чим следам принялась записывать все произошедшее с ней за этот день. И рассказ Ежа про друга, который открыл то волшебное место и чуть не утонул, засмотревшись на лес. И про появившееся после третьего купальщика правило сразу разводить костер, если кто-то первый раз на том месте. И вообще веселые рассказы о дорожных приключениях, над которыми Ксюшка смеялась, как сумасшедшая. И про безумно вкусные куриные крылышки на углях с охлажденным в речке квасом.

Закончив с дневником, Ксюшка решила позвонить Насте и подразнить подругу. Или просто поделиться приключением.

– Настюха, чем занята? – проговорила девушка в трубку, едва услышав ритуальное «Алло».

– Сериал смотрю, – ответила подруга. – А что?

– У меня сегодня такое приключилось...

– Ксюня, ты меня пугаешь. Что у тебя могло случиться, ты на домашнем аресте. Мышку увидела на кухне?

– Нет, Ежика. – Ксюшка не обратила внимания на издевку подруги.

– Того самого? – из трубки послышался неподдельный интерес.

– Бросай свой сериал, и приходи ко мне, все расскажу.

– Может, ты ко мне?

– Не забывай, что я под арестом. Я чайник пошла ставить, жду.

Настя, которая жила в том же дворе, всего в паре домов, пришла через десять минут и, вывалив на стол пару бисквитных рулетов, требовательно посмотрела на подругу.

– Давай выкладывай. По какому поводу опять фигуры портим?

– Я сегодня в таком месте была. – Ксюшка мечтательно закатила глаза, предавшись воспоминаниям. Но быстро спохватилась и, прихватив чашки с чаем, потащила подругу в свою комнату.

– Ксюнь, ты опять издеваешься? В каком месте? Ты же под арестом.

– Я сбежала. И провела день в компании потрясающего парня на берегу реки...

– Было? – Настя аж подскочила от нетерпения.

– Ты когда такая озабоченная стала, Настенька? – удивилась Ксюшка. – Не было ничего. Даже не целовались. Хотя, как бы сказал дядя Костя, одета я была располагающе.

– В смысле?

– Ну, я, как бы, в речку ухнулась, и вся одежда промокла. – Ксюшка решила оставить в тайне подробности про то, как она «ухнулась». – Ежик мне свою футболку дал, и заставил все мокрое снять.

– Вообще все? – уточнила Настя.

– Вообще. – Девушка отвернулась от подруги, и посмотрела в окно. – Так весь день и просидела в одной футболке.

– И он даже не попытался?

– Нет. А должен был?

– По моему, просто обязан. – Настя снова откинулась на спинку дивана, и отпила чай. – Им всем от нас только одно надо. Познакомиться с ним что ли. Какой-то он странный.

– Он волшебный...

– Ой, подруга. Не хочу тебя расстраивать, но ты, похоже, влюбилась. Голову теряешь...

– А даже если и так. Он лучше всех. Почему бы и не влюбиться.

– Ладно, отвлеку тебя от дел амурных. Ко мне сегодня Антошка с Мишкой днем заходили.

Ксюшка перевела взгляд на подругу, и взяла себе еще кусочек рулета.

– И что?

– Мишка злой как собака. Ты зачем ему по морде надавала?

– Не знаю, – пожала плечами Ксюшка. – Нашло что-то. Может потому, что он урод...

– В общем, одна пока не ходи. Я серьезно. Он обещал с тобой разобраться.

– Да пес с ним. – Девушка взяла еще кусочек. – Вообще не знаю, почему я с ним связалась.

Неожиданно зазвонил телефон. Ксюшка очень удивилась, но трубку взяла. А услышав голос, расплылась в улыбке.

– Аве, Ксения. Не отвлекаю?

– Нет, Еж. Не отвлекаешь.

Услышав, кто звонит, Настя всем телом подалась вперед, чтобы лучше слышать разговор.

– Это хорошо. Я тут подумал... Раз уж ты все равно бунтуешь... Не хочешь встретиться дня через три?

– А почему через три?

– Завтра и послезавтра я на подработке буду. Пока лето, надо пользоваться моментом. А через три дня у моей хорошей подруги праздник. Хочу познакомить тебя с друзьями.

– Какой праздник? – решила уточнить девушка.

– Самый святой, какой только можно придумать. Она экзамены сдала. Права получает. Согласна?

Ксюшка решила идти ва-банк.

– Еж, а почему ты свою девушку не пригласишь?

– А что я, по-твоему, сейчас делаю? – удивленно ответили из трубки.

– Когда это я успела стать твоей девушкой? – в свою очередь удивилась Ксюшка. – Ты вроде не предлагал никаких отношений.

– Фи, какие формальности, – веселым голосом ответил собеседник. – Учítывая, в каких видах и ракурсах я тебя видел, мне осталось только предложить тебе сменить фамилию на мою...

– Да, но... – Удивлению Ксюшки не было предела.

– Милая Ксения, мне бежать надо. Заеду за тобой в два.

Будь готова.

Ксюшка опустила коротко загудевшую трубку и ошараше-

но посмотрела на подругу.

– Я пропала...

Следующие два дня девушка провела, как в тумане. Ей очень хотелось увидеть Ежа, но вот его друзья... Они Ксюшку немного пугали. Даже не сами они, а то, как они ее встретят и примут. И что одеть? Еж даже не сказал, где будет проходить этот праздник. И оставалась самая главная проблема. У мамы в этот день был выходной, а значит, побег становился невозможен. А зная маму, договориться об амнистии будет крайне трудно. Практически невозможно. И, тем не менее, вечером перед поездкой девушка решилась на разговор с родителями.

Она вошла на кухню, уловив момент, когда мама уже закончила мыть посуду после ужина, и у них с папой было ритуальное вечернее чаепитие. Самое подходящее время, чтобы о чем-то просить.

– Мам, у меня к тебе один вопросик есть. – Осторожно начала девушка.

– Интересно, какой? – улыбнулась в ответ мама. – Надоело дома сидеть?

– Надоело, – честно призналась Ксюшка. – Но дело не в этом. Я понимаю, накосячила – изволь расплатиться, но...

– Никаких но, – оборвала ее Маша. – Накосячила ты неслабо. Так что обсуждать тут нечего.

– Но я не просто так, мам. – Ксюшка решила не сдавать-

ся. – Меня завтра на праздник пригласили. Я очень хочу пойти. Честно, опаздывать не буду.

Девушка изобразила самую милую и невинную улыбку, на какую только была способна, но нужного эффекта это не возымело. Мама столь же мило улыбнулась в ответ.

– Нет. Ты наказана.

– Я осознала и раскаялась. Правда. Больше так не буду.

– Будешь, – вмешался папа. Обе спорщицы повернулись к нему с неприкрытым удивлением в глазах. Иван никогда не вмешивался в подобные разговоры. – Возраст у тебя такой. Бунтарский. Машуль, давай амнистируем девчушку, а то же сама убежит.

– Думаешь? – Маша все еще стояла на своем.

– Уверен, – ответил Иван и улыбнулся.

– Ладно, – Маша опустила глаза и согласилась. – Амнистирована. Но в следующий раз я тебя лично выпорю. За папой не спрячешься.

– Спасибо, мама. – Ксюшка расцвела самой радостной улыбкой. – Я честно... Я никогда... – Девушка замерла и снова повернулась к родителям: – Мне бы это... Копеечку бы с собой.

– Я три тысячи тебе завтра оставлю, – ответил Иван. – И крутись на них, как хочешь, до конца месяца. Всё, брысь с кухни, раз чай не пьешь.

Ксюшка закрыла за собой дверь, а Иван достал сигарету и закурил.

– С чего ты взял, что она сбежит?

– Маш, ты себя вспомни. Тебе ведь тоже шестнадцать было, когда ты первый раз сбежала на свидание со мной. Наша девочка влюбилась. И я не хочу ее потерять, проявляя излишнюю строгость.

– Наверное, ты прав.

Ксюшка лежала в темноте на не разобранном диване и смотрела в окно. А в наушниках играла новая, чуждая, и почти совершенно не знакомая ей до этого дня музыка. И в глазах стояли слезы от переполнивших ее эмоций и чувств.

После неожиданно удачного разговора с родителями Ксюшка решила заглянуть на свою страничку в социальной сети, проверить почту и пораньше лечь спать. Но планы рухнули, когда она увидела сообщение от человека, от которого совершенно не ожидала. Короткое слово «Оцени» и одна песня в приложении. Девушка улыбнулась сообщению и запустила композицию. Потом поставила ее на повтор, выключила свет, и устроилась на диване, погрузившись в жесткое рычание электрогитары. Сердце билось загнанной канарейкой.

« Это шок в пятнадцать лет.

Это первый рок-концерт.

Это слем, и губы в кровь.

Раз за разом, вновь и вновь.»

Новый, пугающий, какой-то дикий мир, который девуш-

ка представляла сейчас, пугал ее. Но в этот мир ее за руку уводил ошестинившийся металлическими шипами парень, за которым хотелось идти. Идти, не сомневаясь и не оглядываясь, Не слушая никого...

«Это Хэтвилд и Мастейн.

Это Дефтонз и Мадвэйн.

Это шаг в опасный путь,

И назад не повернуть.»

«Назад, – вдруг подумалось Ксюшке. – А может действительно не стоит менять свою жизнь... Иначе как потом назад... После всего...»

«Это Летов и Кобейн.

Это лето и портвейн.

Это первое баре

На гитаре во дворе .»

Ксюшка закрыла глаза. Мысли закрутили такой хоровод, что начала кружиться голова. Но остановить эту пытку у девушки не хватало сил. Это было слишком хорошо, слишком сладко, чтобы останавливаться. Что-то глубоко спрятанное в ее душе сейчас отзывалось на это гитарное рычание щемящей болью. Она вскочила, поддавшись странному порыву, и снова села к компьютеру. Несколько щелчков мыши, выход на страницу отправившего письмо, аудио, громкость побольше, и... Жесткий рев оглушил, пробежался мурашками по позвоночнику, и взорвался хороводом образов в голове.

Ксюшка повернулась вместе с креслом к окну, и закрыла

глаза. У нее не осталось никаких мыслей, только ощущение полета и какой-то обезбашенной радости. Она так и уснула, сидя в кресле у компьютерного стола, погрузившись в новый для себя мир.

Утро ворвалось в сознание девушки игривым лучом солнца и ощущением онемевшего тела. «Кресло – все-таки не самое удобное место для сна», – подумала Ксюшка и, сладко потянувшись, сняла наушники и пошла умываться. Потратив на утренний моцион вместе с бодрящим прохладным душем около получаса, девушка вернулась в комнату и обнаружила на столе записку от мамы. «Вызвали по работе, уехала. Звонила Настя. Завтрак на плите, деньги под сахарницей. И чтобы сегодня вернулась».

Ксюшка набрала номер подруги, и отправилась завтракать.

– Алло, – раздалось из трубки.

– Привет. – Ксюшка наскоро проглотила откушенный бутерброд и спросила: – Ты чего меня искала?

– Тебя там не простили еще?

– Простили, а что?

– Мы сегодня купаться собрались. Ты с нами?

– А кто мы? – уточнила Ксюшка.

– Да все наши, – весело ответила Настя. – Олька, Ирка, Макс, Антошка, Мишка...

– Стоп, – оборвала подругу девушка. – Точно не поеду.

– Из-за Мишки? Ксюх, да не бери в голову. Ребята тебя в обиду не дадут, а там поговорите, глядишь, и помиритесь.

– Не хочу я с ним мириться. Вообще его видеть не хочу. Так что поезжайте без меня. У меня и так на сегодня планы.

Ксюшка положила трубку, не дожидаясь ответа. И поймала себя на мысли, что действительно не хочет не то что ехать на природу в компании вечно сватающей ее за своих друзей Насти, но даже просто видеть подругу сегодня. Хотя вроде бы дружили они с первого класса, и, казалось, их дружбе ничего не угрожает.

Настя была совершенно не похожа на подругу. Невысокая, слегка полноватая брюнетка, с коротко стриженными волосами, Настя всегда отличалась взрывным и хулиганистым характером. И в их компании считалась заводилой и генератором самых сумасшедших идей и приключений. «Хотя, в какой нашей? – мысленно поправила себя Ксюшка. – Это больше компания Антона, Настиного парня. В которую я так и не влилась.»

Как ни старалась Настя последовательно сосватать подругу за кого-нибудь из друзей своего жениха, ничего из этого не вышло. Дольше всех Ксюшка продержалась, как ни странно, именно с Мишей. С остальными ей быстро становилось скучно.

Ксюшка бросила взгляд на настенные часы и поперхнулась чаем. До приезда Ежа осталось чуть меньше часа, а она еще не одета. Совсем. Девушка поймала себя на мысли, что

совершенно не представляет, что ей надеть. С одной стороны, Еж говорил, что они поедут на праздник. Но ощущение того, что праздник будет столь же неординарен, как и сам Еж, не покидало Ксюшку. Она пристально оглядела свой гардероб в поисках здоровой мысли.

Платья отпадали сразу, потому что ехать, скорее всего, придется на мотоцикле. А Ксюшке не очень хотелось, чтобы на ее белье заглядывались из проезжающих рядом машин. Она выбрала бледно-голубые расклешенные от бедер джинсы, и облегающую белую блузку. И к приезду Василя ей оставалось только нанести макияж и собрать волосы.

За десять минут до встречи девушка обулась в легкие голубые туфли-лодочки, спустилась к подъезду и столкнулась с Мишей. Ксюшка попыталась пройти мимо, но парень схватил ее за руку и с силой развернул к себе.

– Ты куда это так вырядилась?

– Твое какое дело? – огрызнулась девушка.

– Ты попутала? – удивился Миша. – Ты моя девушка. А я тебя никуда не отпускал.

– Я не твоя девушка, – ответила Ксюшка и испуганно оглянулась. На каблуках ей не убежать, а группа поддержки наверняка где-то недалеко. И во дворе непривычно безлюдно...

– Еще как моя. – Миша улыбнулся, и попытался притянуть ее к себе.

– Да пошел ты... – Ксюшка вывернулась, и со звонким

шлепком отвесила ему пощечину.

– Да как ты... – Миша замахнулся, и девушка испуганно зажмурилась.

Но уже через секунду снова открыла глаза. Позади удивленного Миши стоял Еж, крепко сжимая занесенную для удара руку в своей неизменной тактической перчатке.

– Чтобы ударить эту девушку, тебе придется меня убить. Ты к этому готов?

– Ты кто? – вопросом ответил Миша и рывком освободил руку.

– Для тебя рыцарь возмездия. Ты почто девушку обижаешь?

– Рыцарь чего?

– Ты дурак? – удивился Еж.

– Ты чего лезешь? – Миша оправился от первого шока. – Не видишь, я со своей телкой разбираюсь?

Через секунду Миша, с потускневшими глазами, упал на тротуар. Ксюшка даже не успела заметить, когда Еж успел его ударить. Василий повернулся лицом ко двору и закрыл ее собой от трех спешащих к месту схватки парней. В руках одного из них блеснул нож, и Ксюшка испуганно ойкнула.

Еж снял с пояса мобильный и протянул девушке.

– Последний набранный. Просто скажи «беда».

И он практически занес ее в подъезд и закрыл дверь, оставшись снаружи. Ксюшка набрала номер и, едва услышав ответ, почти прокричала в трубку: «Беда!!!». Раздались ко-

роткие гудки, а через минуту шум драки за дверью стих, зато весь двор наполнился оглушительным гулом мотоциклетных моторов. А еще через пару минут дверь подъезда открылась, и появилось светящееся радостью лицо Василия. Из разбитой губы текла кровь.

– Выходите, Ксения. Будем праздновать победу. Враг повержен и изгнан.

– А как они так быстро?

– На въезде во дворы ждали, – объяснил Еж. – Выходи.

Картина, которую Ксюшка увидела, выйдя из своего укрытия, заставила ее удивленно замереть. Возле подъезда стояло около десятка больших черных мотоциклов, украшенных блестящими слепяще-белыми металлическими вставками, кисточками на рулях и боковыми сумками. Около мотоциклов стояло человек пятнадцать, в основном крепких парней, разбавленных несколькими девушками. И почти все были одеты, несмотря на довольно жаркий день, в плотную кожаную одежду. Но больше всего Ксюшку поразила среднего роста атлетичная брюнетка, одетая в кожаный жилет, облегающие красивую фигуру черные джинсовые капри и высокие, почти до колен, сапоги, покрытые затейливым узором. Брюнетка стояла чуть в стороне, спиной к компании, и на весь двор виртуозно материлась звонким голосом на уже убежавших Мишиных друзей.

– Кто это? – вполголоса спросила девушка у Василия, кив-

ком указывая на брюнетку.

– Это наша Коброчка, – с улыбкой ответил Еж. – Пойдем, я вас познакомлю.

Он взял Ксюшку за руку и повел за собой. К тому моменту, как они подошли, брюнетка уже выдохлась и, крикнув напоследок «Труссы!», развернулась навстречу, и придирчиво оглядела Ксюшку.

– Еж, – обратилась она к Василию. – Это и есть та красота, которая украла твое сердце?

Ксюшка почувствовала, как щеки предательски покраснели от этих слов, и опустила глаза.

– Ути... Сама скромность. – Кобра улыбнулась, но тут же накинулась на Василия: – Еж. Ты куда девушку приглашал?

– На праздник, – ответил парень. – А что?

– Еж. Ты идиот. Ты мог сказать девушке, что праздник будет проходить в гараже? Она же вся в масле уделается, и ты же будешь за нее краснеть. Как тебя хоть звать то, красота?

– Ксения, – ответила девушка, и подняла глаза.

Кобре было на вид лет двадцать, или около того. Точнее Ксюшка сказать не могла, уж больно мастерски был нанесен макияж. Обтягивающая футболка без рукавов и расстегнутый жилет подчеркивали высокую, явно не девичью грудь. Левую руку Кобры украшала красиво сделанная татуировка. Темно-зеленая кобра оплетала руку и угрожающе раскрывала капюшон на плече, будто охраняя хозяйку. А вот опреде-

лить цвет глаз собеседницы девушка не смогла, помешали контактные линзы, имитирующие вертикальный зрачок.

– Ой, милота. – Кобра на секунду прикрыла глаза, но почти сразу вернулась в реальность. – Пошли за мной оба два. Арчи, свет очей моих, мне твоя помощь нужна.

От общей группы отделился просто огромный, не меньше двух метров ростом, и почти столько же в плечах, бородатый дядя.

– Что случилось, Коброчка? – Несмотря на пугающий внешний вид, дядя обладал весьма приятным баритоном.

– Держи ключи. – Кобра протянула ему связку ключей. – Слетай с молодежью в магазин, будь топтышкой, одень красоту по высшему классу. И в ГАИ подъезжайте сразу. По расчету мы потом с тобой, Еж, разберемся. Согласен?

– Да с тобой разве поспоришь... – вздохнул Василий. – Поехали, Ксения.

– Кстати, забыла. – Брюнетка остановила их, и протянула Ксюшке руку: – Маргарита. Можно просто Рита. А еще лучше Коброй зови. Все, валите. И это, Еж. Не затягивайте там. Ждать не будем.

Вся компания расселась по мотоциклам и, взревев моторами, быстро покинула двор.

– А кто она? – спросила Ксюшка Ежа.

– Сестра моя. Старшая, – ответил Василий.

– Интересная...

– Злючка, – охарактеризовал Еж. – Одно слово, Кобра.

Поехали.

Всю недолгую поездку Ксюшка пыталась представить, в какой магазин ее везут. Сопротивляться напору и бескомпромиссности Кобры было практически невозможно. Да и не хотелось, если честно. Ксюшке стало интересно. Но реальность превзошла все ее ожидания. Мотоциклы остановились недалеко от центра города, возле обычного жилого дома, и спутники уверенно направились к небольшому крыльцу, арку над которым украшало всего одно слово «Обсидиан». Ксюшка часто проходила мимо этого места, но ни разу у нее не возникло мысли, что за этой вывеской может скрываться магазин. Скорее уж какое-нибудь кафе или ресторанчик.

Первое, чем ее встретил магазинчик, состоявший из небольшого торгового зала, с маленькой примерочной кабинкой и парой витрин, и таким же по размеру служебным помещением, – это невыносимо терпкий запах выделанной натуральной кожи. Он заполнял все помещение настолько, что у Ксюшки закружилась голова.

– Текс... Посмотрим, – прогудел здоровяк и медленно пошел вдоль вешалок с одеждой.

Еж, напротив, разместился за прилавком и, достав какую-то картонную коробку, принялся что-то в ней перебирать, звеня металлом. Ксюшка остановилась в дверях, нерешительно оглядываясь.

– Слышь, красота, – донеслось из глубины зала. – У тебя какой размер-то?

– Сорок четвертый, – ответила Ксюшка.

– Ого, тростиночка какая. Где ты такую стройняшку нашел то, колючий?

– Арчи, не поверишь, – отозвался парень, не прерывая занятия, – под дверью собственной квартиры.

– Это как? И, может, все-таки, познакомишь уже.

– Ксения, это Арчи. Арчи, это Ксения. Та самая маленькая, но очень симпатичная ведьмочка.

Ксюшка смутилась от таких слов, но собеседники, похоже, не обратили на это внимания.

– Вот, попробуй это. – Арчи протянул девушке сверток чего-то черного и подтолкнул к примерочной. – Давай, рассказывай, как это под дверью?

– Буквально, Арчи. Домой возвращался поздно. До двух тут с Коброй поставку разбирали...

Пока Еж пересказывал историю их знакомства, Ксюшка зашла в примерочную и развернула сверток. В подобранной здоровяком к примерке одежде оказались прямые кожаные брюки, которые идеально обтянули фигуру, Обтягивающая, из тянущейся ткани, черная толстовка с длинными рукавами. И в довершение короткая, чуть выше пояса плотная мотоциклетная куртка с бахромой из тонких кожаных ремешков сантиметров десяти длиной, прикрепленных тонкой линией по всей длине рукавов и на спине на уровне лопаток.

Все того же черного цвета. Как ни странно, все оказалось впору. Оглядев себя в зеркале и удивившись новому образу, девушка выдохнула и, отдернув шторку, вышла из примерочной.

– Ух ты, – первым нарушил молчание здоровяк. – Красота. Я сейчас влюблюсь.

– Я тебе влюблюсь, – огрызнулся Еж и снова посмотрел на девушку. – Обувь надо поменять. У тебя какой размер?

– Тридцать седьмой.

– Сложная задача, – ответил на это Еж. – Может и не окаяться...

– А я что-то видел у Кобры в заначке, – сказал Арчи и скрылся в служебном помещении.

Послышался грохот, приглушенный мат, и через пару минут здоровяк вернулся с обувной коробкой в руках.

– Вот.

В коробке оказались высокие, такие же высокие, как и у Кобры, сапоги на десятисантиметровой шпильке, только без узора. Ксюшка тихонько ойкнула. Совсем недавно она просила маму купить ей такие сапоги, на что получила категоричное «нет». И вот теперь...

– Давай, красота, переобувайся, и поехали, – посмотрев на часы, прогудел Арчи. – Нам еще к гайцам успеть надо. Я на улицу пока выйду, покурю.

Ксюшка посмотрела на Василия и, дождавшись, когда за Арчи закрылась дверь, спросила:

– Еж, а сколько это все стоит?

– На вскидку тысяч на тридцать, – ответил Еж, продолжая ковыряться в коробке.

– Так дорого? – опешила девушка. – Я не могу это надеть. Вдруг испорчу.

– Это теперь твое, так что надевай и не думай. В конце концов, я за тебя сегодня плачу.

– Но...

– Никаких «но», Ксения. – Василий подошел к ней и застегнул на шее цепочку с каким-то достаточно увесистым кулоном. – Это магазин сестры. И плату с меня она возьмет не деньгами. Так что не переживай.

К зданию городского ГИБДД они уже не поехали. Позволила вездесущая Кобра и сказала, что права уже получены, и можно ехать сразу к месту проведения праздника. Поэтому два мотоцикла, протискиваясь в городском потоке, проскочили к окраине в один из гаражных комплексов, где их уже ждали.

Сам праздник Ксюшке запомнился, прежде всего, открывшим его ритуалом. Дождавшись, пока пиво было налито всем без исключения, Арчи, прошелся вдоль приглашенных. И каждый отлил немного пива в один большой стакан, наполнив его полностью. Стоявшая чуть в стороне Кобра сказала первый за этот вечер тост.

– Сегодня мы собрались не просто, чтобы налакаться пи-

вом. А налакаться пивом со смыслом. Сегодня наша сестра получила права на управление байком. И теперь перед ней открыты все дороги. Выйди сюда, Лиса – Алиса.

Вперед вышла немного полная девушка с огненно рыжими волосами, заплетенными в тугую косу. Девушка положила права на сидение спортивного мотоцикла.

– Ты знаешь, что должна сделать? – спросила Кобра.

– Знаю, сестра, – ответила девушка.

– Тогда оставь сомнения, и сделай, – сказала Кобра, и протянула девушке наполненный стакан.

Лиса занесла пиво над сидением мотоцикла с лежавшими на нем правами и резким движением перевернула. Достаточно большой, на шесть машин, гараж утонул в радостных криках. А Ксюшка поняла, почему все вокруг, а теперь и она, одеты в основном в кожу. Эту одежду не так страшно испачкать или намочить.

Дальше вечер превратился для нее в некую мешанину образов. Ее с кем-то познакомили, она даже с кем-то разговаривала, но не очень запомнила с кем. Ее настолько захватила атмосфера безудержного веселья, что Ксюшка забыла обо всем. И очнулась, когда в неожиданно наступившей тишине услышала голос Кобры.

– Народ. У нас сегодня есть еще один повод для радости. Наконец-то мой нелюдимый братишка встретил свою единственную. А мы все знаем, насколько он в этих вопросах серьезен. Еж, – обратилась девушка к брату, – ты выбрал ей

амулет?

– Да.

– Ксения, подойди ко мне.

Кто-то слегка подтолкнул ее в спину, и Ксюшка вышла вперед, снова чувствуя, как начинают гореть щеки. Кобра подошла к ней и за цепочку вытянула кулон, про который Ксюшка уже успела забыть. Кулоном оказалась фигурка кошки с коротким хвостом и маленькими кисточками на ушах. Кобра улыбнулась.

– Добро пожаловать в стаю, Рысь.

И неожиданно крепко обняла Ксюшку. А вокруг опять радостно кричали два десятка человек. И среди них Ксюшка чувствовала себя спокойной и счастливой.

Утро началось со звонка. И, похоже, дома никого не было, чтобы ответить вместо нее. Ксюшка добрела до трубки и сонно проговорила дежурное «алло».

– Ну, ты и спишь, подруга, – раздался из трубки бодрый голос Насти. – Я к тебе сейчас зайду. Минут через пять.

– Угу, – ответила Ксюшка. – Я умываться. Дверь открыта. С тебя кофе.

Девушка положила трубку и пошла умываться. А когда вышла из ванной, бодрящий аромат кофе уже заполнил квартиру. Да и состояние девушки заметно улучшилось. Настя успела даже нарезать бутерброды и теперь терпеливо пила чай, ожидая подругу. Ксюшка села напротив, сделала боль-

шой глоток еще вполне горячего кофе и спросила:

– Как вчера отдохнули?

– Да никак, – ответила Настя. – Ты как вчера сказала, что не поедешь, Мишка подорвался, к тебе пошел. Злой как собака. Ребята за ним пошли. Вернулись побитые. Ничего не говорят. Я к тебе и пришла спросить, ничего не знаешь об этом?

– Нечего руки распускать, – пожала плечами Ксюшка. – И с ножами по улицам бегать. А Мише передай: еще раз возле меня появится, его в асфальт закатают.

– Ничего не поняла, – честно призналась Настя. – Какие ножи, какие руки.

– Сейчас объясню.

И Ксюшка рассказала подруге события вчерашней ее встречи с Мишей. Настя слушала, буквально раскрыв рот, всем своим видом выражая крайнюю степень удивления.

– Блин, Ксюха, – высказала подруга по итогам рассказа. – Ты с кем связалась?

– С хорошими ребятами.

Снова зазвонил телефон, и Ксюшка, извинившись перед подругой, ответила на звонок.

– Да.

– Аве, Рыська, – услышав голос, девушка расплылась в улыбке. – Как самочувствие?

– Привет, Ежик. Вроде неплохо. Кофе творит чудеса.

– Как насчет покататься по городу вдвоем?

– С тобой всегда согласна, – ответила девушка, и сама удивилась своей смелости.

– Хорошо, через полчаса приеду. Только сегодня шлем не забудь.

– Как скажешь. Жду.

На Настю было жалко смотреть. Крайняя степень удивления сменилась чем-то большим.

– Ксюха... Это что сейчас такое было?

– Что? – Переспросила девушка.

– Ты куда собралась? У тебя же парень...

– Я с ним и собралась, – улыбнулась в ответ Ксюшка. – Или ты про этого упыря Мишу? Прекрати уже меня сватать за кого попало, а то обижусь.

– А чего не так? Нормальные пацаны...

– Скучные дурачки, – парировала девушка. – С ними даже поговорить не о чем. А с Ежом мне интересно. Пошли, Настюха, в комнату, мне переодеться надо.

Девушки переместились в комнату. Настя сразу устроилась на своем любимом месте на диване, а Ксюшка расположилась у зеркала, приводя прическу в порядок.

– А ты как вчера день провела? – спросила Настя.

– Напилась, – честно ответила девушка. – А вообще весело. По городу покатались. В магазин заехали. – Ксюшка повернулась к подруге. – Представляешь, ради меня вчера магазин открыли. И нарядили бесплатно.

– Да ладно? Чего так?

– Хозяйке магазина не понравилось, как я вчера оделась.

Отправила переодеваться.

– Так, хвастайся давай. Чего сидишь?

– Подожди. Моську сейчас нарисую и покажу. Я все равно это надевать буду.

Ксюшка наложила макияж, собрала волосы в хвост и, скинув домашний халат, достала из шкафа вчерашние обновки. Настя подалась вперед, предвкушая нечто вроде показа мод.

Но Ксюшка не стала устраивать дефиле, а довольно быстро передела белье и прямо на голое тело надела брюки и куртку. На вопрос подруги про футболку, девушка только отмахнулась, сказав, что на улице и так довольно жарко. Только куртку застегнула наглухо до самого ворота. Затем сходила в прихожую, обула сапожки и вернулась в комнату.

– Ну как?

– Дико, – ответила Настя, удивленно осматривая подругу. – Как-то я тебя в этом и представить не могла. Ты же всегда скромно одевалась, а тут...

Точеная фигурка девушки, плотно обтянутая черной кожей, действительно выглядела эффектно. Ксюшка даже невольно залюбовалась собственным отражением.

– А мне нравится. Настоящая рысь. – Ксюшка посмотрела на часы. – Так... Кулон, шлем... Все, пошли, Настюха. Скоро Еж подъедет.

– Покажи кулон, – попросила подруга. Ксюшка за цепочку вынула фигурку из-под куртки и, не снимая, протянула

Насте. – Красивый. Проба не стоит?

– Не знаю, не рассматривала еще. Все, пошли.

Девушки закрыли дверь и спустились к подъезду. Еж уже стоял около мотоцикла и смотрел на детскую площадку. Ксюшка не удержалась и подкралась к нему сзади.

– Скучаешь?

– На киндеров смотрю. – Ответил Василий, не оборачиваясь. – Люблю детей. Я и профессию будущую выбрал именно по этому.

– А кем ты будешь?

– Только не смейся, Рыська. Я на врача учусь. На педиатра.

Ксюшка удивленно посмотрела на Василия. Как-то трудно ей было представить его в белом халате.

– Даже не думала. Это достойная профессия. Кстати, знакомься, Настя, моя подруга детства.

– Василий. – Еж изобразил легкий поклон. – Мне Кобра сегодня, кстати, звонила. Про тебя спрашивала.

– А что спрашивала?

– В своем фирменном стиле, – улыбнулся парень. – Спросила, когда свадьба. Поймал себя на мысли, что даже не знаю, сколько тебе лет...

– Шестнадцать. Или я для тебя слишком маленькая? – Голос девушки предательски дрогнул, выдавая важность вопроса.

– Скажу Кобре, что года через три, – ответил Еж, и сел на

мотоцикл. – Поехали, Рыська. Настя, всего хорошего.

Ксюшка надела шлем, села за водителем и, махнув рукой ошарашенной подруге, прижалась к Василию всем телом. Мотоцикл неспешно выехал из двора и растворился в городском потоке, оставив Настю размышлять об увиденном.

Еж остановился около кафе и заглушил двигатель. Кафе, а точнее суши-бар, находилось в уютном месте в самом центре города. Не ее родного города, а самого настоящего областного центра. Ксюшка даже примерно не могла сказать, сколько отсюда до дома, но ехали они никак не меньше полутора часов. У девушки прилично затекли ноги. Она сделала несколько шагов и неуверенно оглянулась на спутника.

– Люблю это заведение, – ответил на невысказанный вопрос Василий. – Здесь достаточно тихо, можно вкусно поесть, и спокойно поговорить.

– И часто ты сюда приезжаешь?

– Нет. Только когда настроение меланхоличное. Ну, или когда на учебе проголодаюсь. У меня институт тут рядом.

– И на каком ты курсе?

– На втором был. Теперь уже третий, – улыбнулся Еж. – Еще учиться и учиться.

Молодые люди разместились за столиком суши-бара, и, изучая меню, продолжили разговор.

– Это ж сколько тебе? – Спросила Ксюшка.

– Двадцать один год. Или я для тебя слишком старый?

– Ну... – неопределенно протянула девушка. – Ты постарше тех, кто обычно набивается мне в женихи. Но с тобой мне интересно.

– Мне с тобой тоже хорошо, Рыська. Что будешь?

– Еж, я никогда не была в таком месте. Закажи сам. Но учти, я не очень плотно позавтракала.

Василий заказал у подошедшего официанта большой сет и безалкогольные коктейли и снова посмотрел на девушку.

– Меня сегодня все утро о тебе расспрашивали...

– Кто? Рита?

– Не. У Кобры все быстро. Она импульсивная. Арчи, Лиса... Вампир вообще, по-моему, покой и сон теперь потерял.

– Вампир – это который? – уточнила Ксюшка. Если первых двоих она вспомнила, то прозвище «вампир» ей не скадало ни о чем.

– Ты с ним вчера не познакомилась. – Еж усмехнулся. – Хотя, наверно, видела. Высокий такой, худенький... Он застенялся, как обычно.

– Как обычно?

– Слышала когда-нибудь термин венусофобия? Это про Вампира. Хороший парень, добрый, умный, будущий юрист, но панически боится красивых девушек.

Принесли заказ, и разговор ненадолго прервался. Зато, утолив голод, Ксюшка набросилась на спутника с новой порцией вопросов. Они просидели в кафе почти до самого вечера, даже успели поужинать. Разговаривали обо всем сразу,

и ни о чем конкретно. Но Ксюшка была готова поклясться, что так хорошо и спокойно ей еще никогда не было. И этот улыбающийся парень, который, при всем его устрашающем внешнем виде, собирался стать педиатром, становился ей все ближе.

По дороге домой Ксюшка думала о том, как теперь рассказать маме и папе о ее новых знакомствах. Девушка не имела сколь-нибудь серьезных секретов от родителей, но рассказать об этом почему-то боялась. Все мысли сводились к неминуемому наказанию. А в очередной раз оказаться под домашним арестом очень не хотелось. Тем более теперь. И если вчера ей удалось проскочить незамеченной, родители смотрели кино и отреагировали на ее приветствие дежурным «ага», то сегодня это уже может не получиться. А как объяснить свой новый наряд, не рассказывая всей правды, Ксюшка совершенно не представляла. И когда мотоцикл остановился около ее подъезда, Ксюшка решила, что живет все равно один раз, поэтому что будет, то и будет.

– Спасибо за чудесный день, – сказала Ксюшка, едва замолчал двигатель.

– Всегда пожалуйста, Рыська.

– Вась, можно одну просьбу?

– Какую?

– Хоть иногда называй меня по имени. Особенно когда мы наедине.

– Хорошо, Ксения. – Василий улыбнулся. – Пока.

– Пока.

Ксюшка уже собралась уходить, но остановилась, услышав вопрос.

– Рысь. Мы завтра увидимся?

Вместо ответа девушка подошла к Ежу вплотную и неожиданно для самой себя поцеловала. А когда оторвалась от парня, то развернулась и быстро скрылась в подъезде, слыша только стук собственного сердца.

Родителей дома не оказалось, что не очень удивило девушку. Такое случалось, и при этом достаточно часто. И даже не потому, что они задержались на работах. Скорее всего, папа опять потащил маму куда-нибудь побыть вдвоем. Тем более, что вечер пятницы для этого очень даже подходит. Догадку подтвердила записка на кухне: «Уехали в театр. Ужин в холодильнике». Однако насладиться ужином ей все-таки помешал звонок в дверь. Ксюшка ругнулась в полголоса и пошла открывать.

За дверью оказался прилично пьяный дядя Костя, стоявший, опершись на стену, всем своим видом выражая крайнюю степень отчаяния и скорби.

– Ксюня... При-и-ивет, Солнце. Папаня дома?

– Не, – ответила Ксюшка. – Они с мамой в театре. Заходи. Ты откуда в таком виде?

Мужчина поднял пакет с радостно звякнувшими бутылками и прошел в квартиру.

– А ты куда? – спросил он, оглядев девушку.

– Никуда. Только сама приехала. – Ксюшка только сейчас опомнилась, что не переделалась в домашнее. – Дядь Кость, ты по какому поводу так набрался?

– Ты подожди, – оборвал ее мужчина. – Откуда такой прикид? Потрясно, кстати, выглядишь. Даже протрезвел...

– Да так, подарили.

– Ну-ка, пошли на кухню. Расскажешь мне все. У тебя кола в загашнике еще есть?

– Литра два... А тебе зачем?

– Пьянствовать будем.

Царственным жестом Стелса, Ксюшкин ужин превратился в закуску, а холодильник был безжалостно ограблен на колбасу и бутылку колы.

– Ну, давай, повествуй, кто ж такой щедрый? – Мужчина развел виски с колой и протянул один стакан девушке.

Ксюшка решила не врать. Тем более ей очень хотелось с кем-нибудь поделиться.

– Кобра.

– Хе, эта может, – усмехнулся Стелс. – Ей сам черт не брат... Стоп. А ты откуда Кобру знаешь?

– Да так... – Ксюшка отпила терпкий, но оказавшийся неожиданно вкусным, коктейль, – познакомили нас тут...

– Кто?

– Один очень хороший молодой человек...

– Да ты никак влюбилась? – Мужчина усмехнулся и залпом допил коктейль. Девушка последовала его примеру, и

Стелс приготовил новую порцию.

– Ну... есть такое дело. – Ксюшка смущенно опустила глаза.

– Во дела. И кто же этот счастливчик?

– Будущий врач...

– Ха... – Стелс снова усмехнулся. – Погоди, сам угадаю...

Еж?

Ксюшка уставилась на собеседника ошарашенным взглядом.

– И не смотри на меня так. Мне Арчи сегодня все уши в курилке прожужжал про некую красотку, укравшую покой бедного Ежика. А оно вот как... Ты хоть в курсе, сколько девичьих сердечек разбилось об его иголки?

– В смысле? – Не поняла девушка.

– Кобра как-то жаловалась, что братишка у нее очень уж нелюдимый. Никак у него с девушками не складывается. То он от них шарахается, как черт от ладана, то они от него. Хотя не удивительно, он же то в гараже, то на учебе... Так что, Ксюшка, ты теперь знаменитость.

Девушка залпом осушила бокал и жестом потребовала еще.

– В смысле, в гараже?

– Он механик классный. Можно сказать, самородок. К нему полгорода машины на ремонт возят... Мама знает?

– Нет. Хотя уже не уверена...

– Значит, завтра она нас с тобой убьет. А может, уже се-

годня. Так что давай-ка мы напьемся... Рысь. Пока живы.

Девушка согласно кивнула.

– Эпическая, вашу мать, картина. – Маша уже почти полчаса изощрялась в выражениях.

Стелс и Ксюшка, стоя посреди кухни плечом к плечу, виновато разглядывали пол. К приезду Ивана и Маши из театра они успели почти все выпить, и опереться друг на друга было для них единственным способом сохранить равновесие.

– Так и будете стоять?

– Ну, ты же садиться не разрешала... – робко начал Стелс.

– Так, садитесь, пока не упали. – Маша перевела дух. – Ты зачем мне дочь напоил?

– Я случайно. Я с Ванькой хотел, но вас дома не было...

Вот мы с Рысью и посидели.

– С кем?

– С Ксюшкой. – Мужчина понял, что сболтнул лишнего, и состроил самые невинные глаза. – Оно как-то само вышло.

– Не увиливай, Костик. – Маша остановилась напротив провинившихся. – И почему моя дочь так одета?

– Ну так... Это...

– Я сама так оделась. – Призналась Ксюшка.

– Понятно, что сама. – Мама пристально посмотрела на дочь. – Откуда у тебя это?

– Машуль. – перебил девушек Стелс. – Ну, хватит рычать...

– Молчи, скотина. – Глаза женщины зло сверкнули. – С тобой я позже поговорю, по душам. О том, как жрать вискаррь с несовершеннолетними девушками. Сейчас мне интересно, откуда на моей дочери одежда на полсотни тысяч рублей, если мы ей денег не давали...

– Я купил, – сказал Стелс и еще сильнее вжал голову в плечи. Ксюшка бросила на него удивленный взгляд.

– За какие это заслуги.

– Я что, не могу нарядить свою крестницу? – Мужчина поднял голову и пристально посмотрел женщине в глаза. – Или на каждый чих нужно спрашивать твое разрешение?

– Все. Уймись оба, – вмешался в спор Иван, до этого времени молча куривший возле открытого окна. – Устроили шапито.

В кухне повисло молчание. И первым его нарушила Ксюшка.

– Мам. Не ругайся. Мы, конечно виноваты, но не настолько, чтобы из-за нас нервничать.

– Да идите вы, – ответила мама. – Послал бог семейку. Я спать пошла, а вы творите, что хотите.

Маша вышла из кухни, и провинившаяся парочка вздохнула с облегчением.

– Рано расслабились, – донесся до них от окна голос Ивана. – Я спать не хочу, и мне очень интересно, откуда такие наряды.

– Но ведь... – начала было девушка, но Иван жестом ее

оборвал.

– Не надо сказок про доброго крестного фея. Стелс Валькирию купил, и на тебя у него сейчас денег нет.

– Это Кобра расщедрилась, – отозвался Стелс и заглянул через горлышко в пустую бутылку. Остатки виски были безжалостно вылиты в раковину в самом начале экзекуции, и выпить оказалось нечего. – Рысь, ты же добрая девочка, сделай-ка нам кофе.

– Значит, не послышалось... – резюмировал Иван, и снова закурил. – Рассказывайте.

Отступать было некуда, и под обжигающий крепкий кофе Ксюшка еще раз пересказала то, что до этого рассказывала Стелсу. Папа выслушал все, не проронив ни слова. Пару минут помолчал, о чем-то размышляя, после чего выдал свое мнение:

– Ладно, не смертельно. Хотя, когда Машулька узнает, что Ксюшка в байкерство ударилась, мы тут взвоем от счастья.

– Вали все на меня, – предложил Стелс.

– Зачем? – удивился Иван. – Мы с тобой свое обещание не нарушили. Просто Судьба. Но я знаю, как сделать так, чтобы мама не так сильно ругалась...

– Как? – в один голос спросили мужчина и девушка.

Вместо ответа Иван неопределенно пожал плечами.

– Иди-ка ты, Ксюш, спать. Завтра будет интересный день. А мы еще посидим. Поговорим. – И он недобро посмотрел на друга.

– Иду. – Девушка поднялась из-за стола, но остановилась. – Дядь Кость. А чего ты вообще приехал? Еще и грустный был...

– Да ерунда, – отмахнулся Стелс. – От меня Юлька ушла.

– Чего так? – Удивился Иван.

– А вот так. Сказал, что не пойду с ней на концерт «Премьер – министра», а она обиделась. Но это, действительно, ерунда. Я уже и забыл. У вас тут события определенно интересней, чем моя полудохлая личная жизнь.

Проснулась девушка от папиного голоса.

– Вставай, похмельная царевна. Тебя милый к телефону.

Ксюшка подскочила, как кипятком ошпаренная, и пулей метнулась к телефону. Но не успела. Трубка уже была у мамы в руках, и взгляд не предвещал ничего хорошего. Девушка внутренне напряглась, ожидая неизвестно даже чего.

– Алло. Нет, это не Ксения, это ее мама. – Маша снова посмотрела на девушку, на этот раз, как показалось Ксюшке, удивленно. – Взаимно... А зачем она вам?.. Куда?.. Вот как... Вот что, Василий. Давайте-ка вы поднимитесь за Ксенией в квартиру. Очень хочется на вас посмотреть.

Маша положила трубку и, не сказав ни слова, ушла на кухню. Ксюшка, мысленно сжавшись в комочек, медленно вернулась в свою комнату. Она попыталась себя успокоить тем, что рано или поздно все равно пришлось бы знакомить Ежа с родителями. И как родители на него отреагируют, оста-

валось только гадать. Точнее, папину реакцию можно было предсказать. Он всегда позволял ей быть самостоятельной. Просто всегда был рядом и поддерживал. И помогал исправлять ошибки. А вот мама... Мама была упрямой и властной и требовала полного подчинения. И если мама скажет, что ей такой парень не нравится, то... Ксюшка не знала, что будет делать в этом случае. И это пугало больше всего. Да еще и возраст... Еж старше на пять лет. Более чем серьезный повод для того, чтобы запретить девушке общаться с ним. А этого Ксюшке не хотелось, причем очень сильно не хотелось.

Из тягостных раздумий ее вырвал опять-таки папа, заглянувший в ее комнату.

– Ксюнь, ты чего еще неумытая? Давай мухой умываться, мама завтракать зовет. И не переживай ты так. Все будет хорошо.

– Ну да. Мама меня, похоже, убить хочет. – Усомнилась девушка.

– Нет. Рычит, конечно, но не только на тебя...

– В смысле?

– Потом расскажу. При случае. Давай, умывайся иди. Скоро твой милый приедет.

Ксюшка последовала совету папы, но настроения это не улучшило. На душе у девушки все равно было беспокойно. И, как она ни старалась себя не накручивать, понимая, что от постоянных мыслей ей лучше не станет, состояние нервозности не покидало ее. От полноценного завтрака девуш-

ка отказалась, перехватив наскоро пару бутербродов с чаем, и до приезда Василия бесцельно металась по комнате, не в силах усидеть на месте.

Когда раздался долгожданный звонок в дверь, Ксюшка, как была в легком, едва доходящем до колен, домашнем халате, кинулась к двери.

– Стоять, – остановила ее мама, выйдя из кухни. – Куда в таком виде? Еще бы сразу голой бежала. Марш переодеваться, я сама встречу.

Девушка метнулась обратно в комнату, коря себя за потраченное впустую время и слыша в прихожей приглушенные голоса. А когда, наскоро одев попавшийся под руки сарафан с юбкой до самого пола, выскочила обратно, то в прихожей уже никого не было. А голоса доносились из кухни, извечного места для всех серьезных разговоров. И, судя по всему, мама устроила Ежу форменный допрос. Ксюшка несколько раз глубоко вздохнула, успокаивая сбившееся от волнения дыхание, поправила волосы и вошла в кухню.

– Занятный вы молодой человек, Василий. – Мама как раз закончила разливать чай и теперь расставляла чашки на столе.

– Простите, чем же? – Еж держался на удивление спокойно.

– Напоминаете мне одного человека. Тоже альтруиста. – Мама улыбнулась – В наше время далеко не каждый решится стать врачом. К тому же детским.

– Я люблю детей. Привет, Ксения. – Еж улыбнулся, и подвинулся, уступая ей место рядом с собой.

– И своих?

– Своих еще нет.

– Почему?

– Не так-то просто найти девушку, которая станет хорошей мамой.

– Вот как... – Маша на секунду задумалась, и решила сменить тему. – Как вам чай?

– Великолепен. Но я бы все же рискнул добавить немного цветков липы.

Ксюшка заметила в глазах мамы неподдельное удивление и окончательно перестала понимать происходящее. Она ожидала чего угодно. Криков, скандала, угроз, битья посуды... Но уж никак не светской беседы за чашкой чая. Все, что ей теперь осталось, это растерянно хлопать ресницами, переводя взгляд с Ежа на маму и обратно.

Она бы так и сидела, если бы ее не позвал папа. Ксюшка тихонько вышла из кухни, оставив Василия отбиваться от все более каверзных вопросов. Папа ждал в ее комнате, расположившись в ее компьютерном кресле, и смотрел в окно.

– Пап, что случилось?

– Просто вытащил тебя оттуда. – Не стал скрывать Иван. – Вся издергалась.

– Но...

– Ксюнь... – Иван посмотрел на дочь. – Не нервничай ты

так. Ничего мама с твоим милым не сделает. Просто при-
смотрится к нему, и все. Я думаю, что он умничка, и спра-
вится. Просто Маше тоже сейчас не просто принять твой вы-
бор. Отнесись к этому с пониманием.

– Почему? – Девушка присела напротив отца. – Я что-то
не знаю?

– Не знаешь. И, по-моему, пора тебе рассказать. – Иван
помолчал, собираясь с мыслями, и продолжил. – Когда-то
давно, задолго до твоего рождения, мы с Костиком и еще
тремя ребятами стояли у истоков байкерского движения в
нашем городе. И не смотри так. Одним из этих ребят был
старший брат твоей мамы. Он нас и познакомил...

– У меня есть дядя? – перебила Ксюшка.

– Нет. – Иван снова отвернулся к окну. – Ни памятных
вещей, ни фотографий – ничего, что могло бы напомнить о
нем. Маша избавилась от всего.

– Почему?

– Когда тебе было два года, он разбился. Ехал на байке из
Москвы, вез тебе подарок на день рождения... Мы так и не
узнали, что стало причиной... Усталость, спешка или просто
невнимательность... Он выскочил на перекресток, на крас-
ный свет, и угодил под грузовик. Это сломало твою маму. И
я ее понимаю. Иногда проще заставить себя просто забыть,
чем смириться с утратой. Но на теме байкерской жизни те-
перь табу. Стелс то еще гоняет иногда...

– А ты?

– Мне твоя мама тогда поставила жесткое условие. Или мотоциклы, или семья. И вы оказались дорожке. – Иван усмехнулся, но, как показалось девушке, усмехнулся грустно. – Не сердись на маму, Ксюнь. Она хочет тебя защитить и уберечь. Вот только...

– Что? – голос девушки дрогнул.

– Страшная вещь, генетика. Ты, как когда-то и твоя мама, влюбилась в байкера. Я не против. Просто будь осторожна, дочь. Если с тобой что-то случится, мама этого не перенесет...

– Обещаю, пап. – Ксюшка крепко обняла отца. – Спасибо тебе.

– Ладно, все. – Иван выбрался из объятий дочери, и направился к выходу. – Пошли твоего Ваську спасать.

– Пап, а как звали моего дядю?

– Артур. Быстров Артур... Ветер...

Когда через пару часов девушка, к тому моменту переодевшаяся в свою новую одежду для поездок, и парень все-таки вырвались из квартиры, Ксюшка была готова бежать куда угодно, лишь бы подальше. Мама расспросила Ежа обо всем. Как будто сама собралась за него замуж. А в довершение накормила их обедом и даже показала Василию семейные фотоальбомы. Палитра чувств девушки за эти два часа менялась от стыда и смущения к удивлению и обратно с потрясающей скоростью. Но все попытки хоть как-то повлиять на ситуацию оказались безжалостно пресечены.

- Как ты это выдержал? – спросила девушка, когда они вышли из подъезда.
- На самом деле мне было интересно, – улыбнулся в ответ Еж. – Ты оказалась девочкой с сюрпризами.
- То есть? – Ксюшка остановилась и с вызовом посмотрела парню в глаза.
- Не ожидал увидеть фотографии Стелса в твоём семейном фотоархиве.
- Ну не все же тебе меня удивлять.
- Ну да...
- Вась, можешь отвезти меня в одно место?
- Куда?
- Не пойми меня неправильно... – Ксюшка смущенно отвела глаза. – На кладбище. Нужно найти могилу одного человека.
- Хорошо, Рысь. Поехали.
- Спасибо, Еж. – Девушка снова посмотрела в глаза спутнику. – Ты просто ангел.
- Знаю, Рыська. – Василий обнял девушку. – Поехали. Но потом я тебя затерзаю вопросами, и даже не пытайся отнекиваться.
- Не буду, – обещала Ксюшка и улыбнулась.

На поиски места захоронения молодые люди потратили около часа. Но все-таки нашли. Немного заросшую травой, но довольно ухоженную могилу с явно недавно покрашенной

оградой.

– Быстров Артур Владимирович, – вслух прочитал Еж надпись на небольшом памятнике. – А кто он?

Ксюшке хватило одного взгляда на фотографию, чтобы понять, что они на месте. Изображенный на ней молодой улыбающийся мужчина был так сильно похож на ее маму, что сомнений не осталось. Девушка положила к памятнику несколько купленных по дороге гвоздик и провела ладонью по граниту.

– Это мой дядя... О котором я узнала только сегодня. Один из первых байкеров нашего города... Ветер... Я его даже не помню, представляешь... – Девушка помолчала, останавливая некстати набежавшие слезы. – Страшная семейная тайна... Давай тут немного приберемся.

Вдвоем они быстро, минут за пятнадцать, избавились от поднявшейся травы, поправили искусственные цветы, и в молчании замерли у могилы. Ксюшка думала о том, что романтизированный ее воображением образ бесстрашных мотоциклистов оказался на поверку не столь уж и радужным. Что этот мир несет не только веселье и свободу, о которой так вдохновенно говорил на празднике Арчи, но и боль. Боль от полученных травм при неудачных падениях и, что самое страшное, боль потери друзей, близких... И что смерть может подстергать этих ребят за каждым поворотом. Стоит только потерять голову. О чем в этот момент думал стоящий рядом байкер, она не знала. Да и не хотела знать. Она бы-

ла благодарна Ежу за то, что именно он сейчас был рядом и ни о чем не спрашивал. И, почувствовав на плече его руку, она, нисколько не стесняясь, уткнулась ему в грудь и расплакалась. А когда успокоилась и подняла глаза, то встретила встревоженный взгляд Василия.

– Извини. – Ксюшка смущенно улыбнулась, и смахнула со щеки слезы. – Нахлынуло что-то... Сама не знаю.

– Все хорошо, Рыська, – ответил парень, и легонько поцеловал ее в лоб. – Я никому не расскажу.

– Спасибо. – Девушка снова улыбнулась, на этот раз более открыто и радостно. – Пойдем.

– Пойдем.

Еж остановился около «Обсидиана» и, поймав удивленный взгляд Ксюшки, сказал, что их ждет Рита. И Кобра действительно ждала. Вернее, методично отстреливала из снайперской винтовки каких-то солдат в компьютерной игре. Причем целилась исключительно в голову, а каждый выстрел сопровождала грубым комментарием с использованием крайне ненормативной лексики. Из-за прилавка за игрой наблюдали два паренька лет тринадцати, увешанные цепями, как новогодние елки.

– Коброчка, свет очей моих, – громко приветствовал сестру Василий. – Отвлекись от игрищ, тебя покупатели ждут.

– Подождут, – отрезала брюнетка, но игру все же поставила на паузу. – Вас где носило? Я уже устала ботов мочить.

– Было одно дело, – уклончиво ответил парень и подошел к посетителям.

– Бойцы, вы чего выбрали, или так?

– Я балахон хотел. Крутой, с драконом, – ответил один из мальчишек, и Еж увел его в глубину магазина подбирать балахон.

– Привет, Рита. – Ксюшка подошла к прилавку. – Как твое ничего?

– Чуть не сдохла со скуки, пока вас дождалась. – Рита пристально посмотрела на девушку. – Ты по какому поводу ре-вела? Еж довел?

– Иди сюда, скотина, я тебе кастрацию методом отрыва-ния проведу.

– Я ни при чем, – ответил Еж на выпад сестры.

– А что тогда? – удивилась Кобра.

– Все в порядке, Рита, честно. Просто перенервничала.

– По поводу?

– Мама ночью разнос устроила. А утром Ежика на знаком-ство вызвала...

– За что разнос? – Кобра изобразила уже неподдельный интерес.

– За одежду, за пьянку...

– Рысь, ты меня пугаешь. Какую пьянку?

– Да со Стелсом виски напились немного...

– С кем?

– Увидеть Кобру в состоянии крайнего удивления дорого-

го стоит. – Еж уже помог мальчишкам определиться с выбором и вернулся к прилавку. – Вот так-то, Ритка, оказалась наша Рыська девушкой с сюрпризом...

– А чему она так удивилась? – поинтересовалась Ксюшка, не совсем понимая, что она такого сказала.

– Стелс, видишь ли, у нас живая легенда. Лидер. И давняя Риткина любовь.

– Да ну, – в свою очередь удивилась Ксюшка. – Дядя Костя – легенда?

– Как-то так. – Усмехнулся парень, явно наслаждаясь произведенным эффектом. – А что тебя удивляет?

– Просто трудно осознать, что мой крестный может быть легендой среди байкеров, – честно призналась девушка.

Кобра с шумом опустилась в компьютерное кресло и ошарашено посмотрела на девушку.

– Стелс... Твой крестный? – Она потерла виски, пытаясь осознать услышанное. – Это ж... Твою ж... Действительно, мир крайне тесен...

– Ты чего нас вызывала? – Еж попытался вывести сестру из состояния удивления.

– Я? – Кобра перевела взгляд на брата. – Ну да, звала... Ты про мамин юбилей не забыл?

– Нет, конечно.

– У меня предложение есть. – Кобра оправилась от шока, и подалась вперед. – Подарок я уже заказала, с тебя организовать доставку.

– Ну это больше на боевую задачу похоже, – резюмировал Еж. – А предложение-то какое?

– Да не предложение даже, а скорее просьба. Я принцессу твою в пятницу украду?

– Зачем? – насторожилась Ксюшка.

– Красоту наводить, – ответила Рита и загадочно улыбнулась.

– Кради, – согласился парень. – Я все равно в гараже буду. Сосед просил коробку перебрать помочь на его раритете. С тобой принцесса хоть скучать не будет.

– Вот и славно.

Кобра примчалась в пятницу аж к десяти утра, разбудив Ксюшку настойчивой трелью дверного звонка. И, пока девушка делала кофе и бутерброды, брюнетка по-хозяйски завела музыку на компьютере и напрочь перевернула шкаф.

Почти всю неделю Ксюшка провела дома. Василий с головой ушел в свою подработку, лишь однажды в середине недели приехав к ней, чтобы пару часов посидеть у подъезда. И Ксюшка была рада даже этой мелочи. Зато вынужденное затворничество позволило ей расспросить родителей о неожиданно открывшихся семейных тайнах и, в итоге, заслужить мамино прощение. К тому же скучать не давала Настя, ежедневно звонившая или забегавшая попить чай и посеCRETничать. А заодно попытаться помирить девушку с Мишей, или просватать еще кого-нибудь.

Ксюшка, не дождавшись гостя на кухне, понесла кофе в комнату. Брюнетка сидела на полу и, подпевая рычащей из колонок песне, перебирала Ксюшкин гардероб. На появление девушки она отреагировала фразой «О, кофеинчик приплыл». После чего продолжила занятие. Ксюшка разместилась на диване и стала с интересом наблюдать за процессом. Сваленная в центре комнаты одежда постепенно делилась на две неравномерных кучи, а брюнетка, казалось, впала в транс. Даже к кофе не притронулась.

Минут через пятнадцать Кобра поднялась с пола и взяла со стола свою чашку кофе.

– Остыл, зараза. – Она поставила кофе обратно и села рядом с Ксюшкой. – Заросла ты, Рысь, хламом. Неси мусорные мешки, будем избавляться.

– А носить я потом что буду? – Перспектива выкинуть две трети гардероба Ксюшку не обрадовала.

– Ну, кое-что я тебе сегодня презентую. – Неопределенно пообещала брюнетка. – А там... Погодь...

Кобра достала мобильный, набрала номер и через секунду с удивлением посмотрела на телефон.

– Какого лешего денег нет? Ты их жрешь что ли, хрень электронная? Рысь, дай свой.

– Городской только... – ответила Ксюшка. – Мобильный я потеряла...

– Как так?

Ксюшка, в который уже раз, пересказала историю с Ми-

шей, которую Кобра сопровождала довольно не лестными, и весьма нецензурными комментариями. Про то, что собиралась кому-то позвонить, брюнетка благополучно забыла. Зато прочитала девушке целую лекцию на тему мужского коварства и девичьей наивности, завершив монолог лаконичным: «Все они козлы, но без них вообще хреново. Ладно, отдохнули. Неси пакеты, убираться будем».

– Может, все-таки не надо?

– Надо, – отрезала Кобра. – Перемены, Рысь, должны быть радикальны, иначе это будет туфта, и ни разу не интересно. И пользы от них никакой не будет. Неси мешки, хватит спорить. У нас времени в обрез.

Ксюшка тяжело вздохнула и пошла за мешками. Спорить с Коброй было бесполезно. Запаковав одежду, Ксюшка переделалась, и девушки вдвоем вынесли мешки до ближайшей помойки. Вернее вынесли только первую партию из намеченных трех. На мусорке Кобра углядела двух бездомных, с которыми и договорилась о дальнейшей утилизации за двести рублей.

Передав бродягам оставшиеся мешки, девушки сели на серебристый мотоцикл, с надписью «Хонда Х4» на бензобаке, и Кобра рванула с места так, будто за ней гнались два десятка вооруженных бандитов. К нескончаемому удивлению Ксюшки, Кобра за несколько минут промчалась через город и выехала на скоростную, разогнав и без того летящий байк до сумасшедшей скорости. Уверенно лавируя в потоке ма-

шин, периодически вылетая на полосу встречного движения для обгона совсем уж неторопливых дальнобойщиков, Рита долетела до областного центра всего за двадцать минут, а еще минут через пять остановилась возле крупного торгового центра.

– Все, Рысь. Перевоплощаемся в гламурок, и пошли красоту наводить.

И, под восторженные мужские взгляды, две облаченные в обтягивающую кожу стройные девушки вошли в гостеприимно распахнутые двери. Кобра уверенно провела спутницу на второй этаж, в небольшой магазин женской одежды. И пока Ксюшка недоуменно разглядывала модные плакаты на стенах, Рита успела о чем-то быстро переговорить с администратором и уже в ее сопровождении вернулась к девушке.

– Рыська. Знакомься, это Олеся, админ этого царства гламура и пафоса. Поступаешь в ее распоряжение. Лесь, я пока склад посмотрю, и документацию подготовь, тоже гляну.

– Хорошо, Маргарита Евгеньевна. Я к ней девочек представлю и подойду.

– Принято. Все, Рысь, не скучай.

Ксюшка перестала понимать происходящее, а события только набирали обороты. Как чертик из табакерки, около нее появились две удивительно похожие друг на друга блондинки, одна из которых тут же приняла из Ксюшкиных рук шлем.

– Значит так. Девушке подобрать вечерний туалет,

несколько комплектов белья, чулки, колготки, туфли... Ну и так, по мелочи. Маргарита Евгеньевна потом работу проверит, так что сами понимаете. Все ясно?

Блондинки синхронно кивнули и, взяв Ксюшку под руки, увели к примерочным кабинкам. Следующий час превратился для девушки в череду бесконечных переодеваний, примерок, вращения возле зеркала и снова переодеваний. После восьмого платья разобраться в том, подходит ей что-то, или нет, девушка уже не могла. Поэтому Ксюшка понадеялась на честность блондинок и безропотно мерила все, что ей предлагали.

К тому моменту, как Кобра вернулась в торговый зал, подбор нарядов уже закончился. Рита придирчиво осмотрела выбранные модели и сделала несколько фотографий на свой телефон.

– Молодцы, не подвели старушку. Лесь, все упакуй, и отправь с курьером на адрес, который я оставила. И положи мне тышчонку на телефон, а то я опять забуду. Рысь, поехали, нам еще прически делать, и вообще...

Что скрывалось за этим «вообще...» так и осталось загадкой. Ксюшка уже чувствовала себя безумно уставшей и могла только завидовать энергии Кобры, которая по-прежнему выглядела бодрой, а оставаться на одном месте дольше пяти минут не могла, похоже, чисто физически.

Несколько минут девушки протискивались по узким центральным улочкам, пока не остановились около большого

приметного здания. Кобра заглушила мотор:

– Достали четырехколесные... Все, сестренка, дальше пешком. Разомнемся хоть. Только шлем с собой бери, а то стырят.

Рита достала телефон и, довольно улыбнувшись, набрала чей-то номер.

– Привет, колючий. С доставкой разобрался?.. Молодец. У меня к тебе новое задание... Байк мой забери, я его у твоего универа бросила. Да, вот так нас занесло. Спасибо, братишка. Мы? Нормально. Только Рысь чего-то бледновата... Устала, похоже, с непривычки... Но это мы победим. Ладно, отбой. И, кстати, косяк за тобой. А чего у твоей принцессы до сих пор средств связи нет?.. Вот и реши вопрос, растрясси заначки. Все, пока.

Кобра убрала телефон и повернулась к Ксюшке.

– Ежик привет передает. Обещал купить тебе телефошку.

– Что-то вы меня уже завалили подарками... Мне даже как-то уже неловко...

– Чушь не говори. Знаю я этого олуха, так что считай, что я инвестирую в свою семью.

– Как это? – удивилась девушка.

– Я слишком хорошо знаю брата. – Кобра улыбнулась, и взяла Ксюшку под руку. – Если он сказал, что ты украла его сердце, значит, так оно и есть. Ежик наш, видишь ли, тварь патологически честная и моногамная. Так что...

– Я пропала... – Закончила Ксюшка своей, ставшей лю-

бимой за последние недели, фразой.

– В точку. О, пойдём. – Кобра указала на кстати попавшееся на пути кафе. – Напою тебя крепким кофе. А то на смерть похожа. Скоро прохожих пугать начнешь.

Девушки вошли в кафе и разместились за дальним от входа столиком. Ксюшка дождалась, пока Рита сделает заказ подскочившему официанту и задала мучивший ее последние полчаса вопрос.

– Рита, а на сколько мы набрали одежды?

– А зачем тебе эти страшные цифры?

– Просто интересно...

– Сама еще не знаю. Мне Леся в понедельник скажет. – Кобра слегка кивнула официанту, принесшему кофе, и продолжила. – Но ты даже не вздумай сказать, что кому-то что-то должна. Мой магазин – мои капризы.

– Как это, твой?

– Этот и еще четыре таких же здесь по городу. И у нас в городе два... – Кобра неопределенно махнула рукой и ковырнула ложкой заказанный чизкеик.

– А «Обсидиан»? – не унималась Ксюшка.

– Для души. – Кобра мечтательно улыбнулась. – Когда я была маленькой, и только знакомилась с миром рока и байков, а Ежик еще в песочнице куличики лепил, у меня была одна большая проблема, которая в итоге стала мечтой. Негде было тогда в нашем городе купить приличную амуницию. Все приходилось через старших товарищей заказывать. Вот

я и открыла «Обсидиан». Но неформалы – люди не очень богатые, так что основной доход по-прежнему приносят гламурные курицы с любовью к труселям за десять тысяч...

– За сколько? – Ксюшка не поверила услышанному.

– За десять. Представляешь. Кусок кружева с логотипом бренда десять тысяч. И ведь берут же...

– Кошмар. Никогда бы не купила, – честно призналась девушка. – Жаба задушит.

– Вот и я о том же.

– Здравсьте, девушки.

Их разговор бесцеремонно перебил подошедший мужчина. Лет тридцати на вид, и явно не очень трезвый. Ксюшка уставилась на пришельца, разглядывая его не самый опрятный внешний вид, и соображая, как отвязаться от этого знакомства. Но Кобра, как всегда, взяла ситуацию в свои руки.

– И тебе не хворать. Чего хочишь?

– Так это... Познакомиться с такими красотками. Я Эдик.

Эдик уселся за их столик, и флер перегара усилился.

– Тебе сколько лет-то Эдик? – Кобра с откровенным презрением посмотрела на мужчину, но он, похоже, этого не заметил.

– Двадцать пять. – Эдик гордо вскинул голову.

– Ну вот... – Рита состроила грустную моську. – Для меня ты слишком молод, а для моей спутницы безнадежно стар...

– Да разве это проблема? – удивился Эдик.

– Ну ладно, – Рита пожала плечами. – Давай попробуем.

Я Кобра, она Рысь.

– Ого, – Эдик если и удивился, то быстро с удивлением справился. – А нормальные имена у вас есть?

– А чем тебе наши не нравятся? – Влезла Ксюшка и была за это награждена одобряющим взглядом спутницы.

– Да не, нормально. Короче, красотульки. Может того, винца за знакомство?

– Да видишь ли, Эдик. – Кобра откинулась на спинку стула. – Мы не пьем. Тем более за знакомство.

– А че так?

– Просто не пьем. И вообще, мне кажется, наше знакомство перспектив развития не имеет.

– Так поехали ко мне. Танцы-обжиманцы там, время проведем.

– Какой настырный. – Рита посмотрела на часы в телефоне и жестом попросила счет. – Слушай внимательно, мальчик. Ты мне надоел, поэтому я дам тебе пятнадцать секунд поскрипеть умишком и исчезнуть из нашего поля зрения. Или я тебе лицо испорчу, и ты точно никого не снимешь. Поверь, пятнадцать секунд это роскошь.

Эдик изменился в лице. Прорывав что-то неразборчивое, он вскочил со стула и почти тут же согнулся от резкого удара в живот. Когда ее подруга успела встать, Ксюшка не заметила. Еще два удара, и Кобра отправила неудавшегося ловеласа в глубокий нокаут и мило улыбнулась подбежавшей охране.

– Ребят, извините. Как-то само получилось.

– С вами все в порядке? – спросил один из охранников.

– Да, спасибо. – Кобра одарила охрану еще одной лучезарной улыбкой. – Мы, пожалуй, пойдем.

Рита оплатила счет, и девушки вышли из кафе.

– Ты где так научилась? – не пристать с расспросами Ксюшка просто не могла.

– В кружке самообороны старины Арчи. Он у нас бесплатно ведет секцию рукопашного и ножевого боя для детишек. Ты, кстати, уже записана. С сентября занятия, готовься.

– Я? – От неожиданной новости девушка как в стену врезалась.

– Понимаешь, Рысь. – Кобра остановилась, и очень серьезно посмотрела на девушку. – Драться с подобными дебилами и защищать нас должны наши мужчины. И они с этим делом вполне справляются. Но беда в том, что они далеко не всегда рядом. Поэтому нам тоже нужно уметь за себя постоять. Так что этот вопрос даже не обсуждается.

– Поняла. – Ксюшка кивнула, хотя изучать рукопашный бой ей все же было немного страшно.

– Ладно, пошли, сестренка. – Рита снова взяла девушку под руку. – Нас в салоне уже заждались.

За приезд курьера пришлось, конечно, объясниться. Но не так строго, как за костюм для поездок. Сказалось то, что Леся догадалась вложить симпатичную открытку «от поклонника», и мама больше сгорала от любопытства, чем злилась.

Кобра, услышав Ксюшкин пересказ разговора с родителями, долго смеялась, в конце обещав выдать премию находчивой сотруднице.

Девушки просидели почти три часа в салоне красоты, где им сделали прически, маски, маникюр, и еще массу не очень понятных процедур. Брюнетка развлекала юную спутницу рассказами об их с братом детстве и вопросами о детстве Ксюшки. Когда же Ксюшка решилась спросить Риту про ее возраст, то получила совершенно неожиданный ответ.

– Не поверишь, но мне уже двадцать восемь. И я знаю, что выгляжу на двадцать. Дыши полной грудью, Рысь, и всегда будешь молодой и красивой.

Запасу энергии Кобры можно было поражаться вечно. По крайней мере, именно так Ксюшка подумала, когда на следующий день Рита разбудила всю квартиру телефонным звонком в начале девятого утра. Разбудила, чтобы радостным голосом, но в матерной форме, проорать в трубку, что наступившее утро слишком хорошо, чтобы потерять его, оставаясь в постели. И что к половине второго за ней заедет Еж в костюме британского принца, и к тому времени спящая красавица просто обязана стать принцессой. Иначе ее будут ждать скорый суд Линча с последующим костром инквизиции.

Поправить созданную вчера в салоне прическу, равно как и наложить макияж, было делом техники, а потому процесс превращения в принцессу для Ксюшки прошел в размышле-

ниях над произошедшими и происходящими сейчас изменениями в ее жизни. Слишком уж круто повернулась ее жизнь после знакомства с Василием. А может, все-таки прав папа, и генетика действительно страшная вещь. Потому что с Ежом и его друзьями Ксюшка чувствовала себя гораздо комфортнее, чем с тем же Мишей, или даже Настей.

Девушка поймала себя на мысли, что за весь предыдущий день ни разу не вспомнила про подругу, хотя раньше не могла себе представить, чтобы провести хоть один день без нее. Но уж слишком вчерашний день был насыщен событиями, чтобы вспоминать о чем-то. Ксюшка все же решила позвонить подруге. Услышав сонный голос, и спросив дежурное «как дела?», девушка выслушала подробный отчет о походе на речку, в ходе которого кто-то там перепил пива и в результате повредил ногу. Ксюшка собралась было рассказать про свою вчерашнюю поездку с Коброй, но Настя предложила поехать купаться, а получив отказ, скомканно попрощалась и оборвала связь.

После этого разговора, у Ксюшки остался какой-то неприятный осадок на душе. И к тому моменту, как приехал Еж, девушка пребывала в настроении осенней тучи, размышляющей над необходимостью дождя.

– Рыська, радость моя, что-то случилось? – спросил Василий, когда эта тучка выплыла из подъезда.

Выплыла, надо сказать, достаточно эффектно. В темно-зеленом длинном платье, с высокой аккуратной прической и

идеально подходящих по цвету туфельках на небольшом каблучке. Из украшений на шее висел только кулон рыси, но все равно блондинки в магазине старались не зря, и самым явным подтверждением тому стал удивленно застывший Ежик. Тоже одетый достаточно официально, в иссиня-черный классический костюм, черную рубашку, и, к уже Ксюшкиному удивлению, даже при галстукe. «А в коже он выглядит куда естественнее», – отметила про себя девушка, однако вслух этого говорить не стала.

– Все в порядке, Ежик. Просто с Настей сегодня поговорила по телефону. Но как-то беседа не заладилась...

– Только не плачь. Красные глаза тебя не красят. Давай завтра возьмем твою подругу и куда-нибудь слетаем...

– Я подумаю... – Пообещала девушка, и посмотрела парню в глаза. – Мне сегодня с твоими родителями знакомиться, да?

– Да.

– Знаешь... Я боюсь немного...

– Не бойся. – Василий слегка обнял девушку. – Я буду рядом. Да и Кобра тебя в обиду не даст. Уж не знаю, чем ты ее так проняла, но она в тебе души не чает. Даже ревную.

Он улыбнулся, и от этого девушке стало на душе легко и спокойно.

Знакомство прошло, к безмерному Ксюшкиному удивлению, довольно легко. То ли сказалась всеобщая атмосфера

бала, потому что неугомонная Кобра не поленилась обзвонить всех приглашенных на юбилей и донести до них, что одеваться нужно в исключительно вечерние наряды. А может, помог специально арендованный для празднования гостиничный комплекс, перестроенный из старинной усадьбы и радующий гостей небольшим, но довольно уютным парком. А, скорее всего, причиной этой легкости стал не оставивший ее ни на минуту в одиночестве Василий, уверенно пресекавший попытки задавать слишком личные вопросы со стороны родственников.

Кобра, взявшая на себя роль тамады, казалось, успевала быть в нескольких местах одновременно. Одета в легкое угольно-черное платьишко и открытые туфельки на маленьком каблучке, Рита успевала и руководить парой официанток, контролируя количество и разнообразие угощений на столах, и вихрем проноситься по парку, не позволяя проводить в перекуре слишком уж много времени, и даже отслеживать очередность поздравительных речей. Как Кобра все это успевала, Ксюшка понять не могла, а Еж объяснил все в своей лаконичной манере: «Да она всегда такая. Не обращай внимания.»

Сам Еж являлся полной противоположностью сестры и излучал ледяное спокойствие. Ксюшку он представлял всем как свою невесту, после чего, как правило, отделялся от человека парой тактичных, но ничего не значащих фраз, и уводил девушку дальше. И лишь один раз, не считая само-

го знакомства с его мамой, Еж позволил себе задержаться дольше.

Эффектная блондинка в обтягивающем белом платье, лет двадцати пяти на вид, остановила их у входа в аллею парка и просто потребовала:

– Знакомь.

– Привет, – с искренней, как показалось Ксюшке, улыбкой ответил парень. – Я уж думал ты не приедешь.

– Такое событие я пропустить не могу. Знакомь. А то полдня ходит с кем-то под ручку, а я даже не знаю, с кем.

– С невестой.

– Да ну? – удивилась блондинка. – Что-то невеста больно молодо выглядит.

– Так и свадьба не завтра – отшутился Еж.

– Это правильно. Хорошую жену нужно самому растить. Меня Анной зовут. От Васьки не дождешься...

– Ксения. – Девушка смущенно улыбнулась.

– Мило. Ладно, оставлю вас. Пойду Ритку ловить. Интересно, сколько она выложила за весь этот банкет... Где эта торпеда, кстати?

– Где-то рядом, – неопределенно ответил парень. – Ты надолго к нам?

– На недельку, так что посидеть успеем.

Блондинка увидела промелькнувшее вдалеке, возле столов, установленных на лужайке под навесом, черное платье и, махнув на прощанье рукой, ушла в том направлении.

– Честно, думал, что она не приедет... – глядя ей в след, проговорил Еж.

– А кто она? – спросила Ксюшка, чувствуя легкий укол ревности.

– Сестра. Двоюродная, вроде как... Никогда в этом не разбирался.

– Красивая... – Ксюшка смотрела в след блондинке с легкой завистью.

– Ты красивее, – ответил парень и взял Ксюшку за руку. – По крайней мере, для меня. Пойдем, надоели мне эти родственники. Спрятаться хочу.

Им действительно удалось спрятаться на какое-то время. Кобра свалилась на них ближе к вечеру, когда молодые люди предавались разговорам об искусстве, уединившись на одной из лавочек небольшого парка. Точнее, Еж пересказывал сюжет одной из своих любимых книг, а Ксюшка слушала, раскрыв рот.

– Сидите тут... – Рита упала на лавочку рядом с Ксюшкой. – А там экшн в самом разгаре. Филатовы мультиварку задали... А морды были, будто ламборгини презентуют.

О Ну, это то, как раз, не удивляет. – Василий откинулся на спинку скамьи, всем видом показывая, что сестра сейчас немного не вовремя.

– Ты Рысь с мамой познакомил?

– Первым делом.

– И как? – Рита всем телом подалась вперед.

– Нормально. – Еж пожал плечами. – Тихо, мирно, спокойно.

– Еж, твою любовь с котенками, ну в кого ты такой сухарь бесчувственный? – Кобра всплеснула руками, и в упор посмотрела на Ксюшку. В ореховых глазах как будто плясали озорные чертики... Или показалось? Девушка поймала себя на мысли, что впервые видит Риту без контактных линз. – Рысь, ну хоть ты расскажи. Я ж уже загибаюсь от любопытства.

– Да все хорошо, Рита. У вас замечательная мама. Даже допрос мне не устроила.

– Вот если я жениха приведу, то устроит... Как пить дать. А за этого сухаря чего переживать. Лишь бы с голоду не помер. – Кобра многозначительно посмотрела на брата. – Рыська, ты же умеешь готовить?

– Умею. Мама учила...

– Ну, тогда я спокойна. – Рита вскочила на ноги. – Так. Через полчаса танцы будут. Жду.

– Принял, – ответил Еж. – Тебя Ньюта нашла?

– Ага. Договорились на среду в кафе посидеть. Вы, кстати, участвуете.

И, не дожидаясь ответа, Кобра ловко развернулась на каблуках и исчезла в сгущающихся сумерках.

К дому девушки такси привезло их около десяти часов вечера, однако домой Ксюшка не торопилась. Ей почему-то

казалось, что в этот вечер должно произойти что-то волшебное. А потому, взяв у Ежа мобильный телефон, она позвонила домой и предупредила маму, что уже вернулась и побудет во дворе.

И вот уже третий час они сидели на старой, обшарпанной лавочке и разговаривали о пустяках. Хотя Ксюшка явно видела, что Еж хочет, но никак не может решиться поговорить о чем-то куда более серьезном. Видела, но решила не торопить парня, не мешать ему собираться с духом.

– Рысь... – Василий все же пересилил себя. – Можно я у тебя одну глупость спрошу? Ты только не пойми неправильно, но мне это очень важно. Ты рада, что мы встретились?

Ксюшка задумалась. Ей очень хотелось ответить «да», но почему-то стало немного страшно. Потому, что сказать «да» означает окончательно принять не только Ежа в свою жизнь, но и все те перемены, которые он в нее принес. И именно в этот момент ей вспомнились недавно сказанные слова Кобры: «Перемены должны быть радикальны, иначе не интересно...»

– Знаешь, Еж... – Неспешно начала девушка. – Я... Я не рада... Я, черт его дери, счастлива, что встретила тебя.

«Все-таки Кобра права. Перемены должны быть радикальны. И с головой уходить в омут новых событий и эмоций тоже чертовски здорово...» Из накотивших мыслей ее вырвал голос Василия:

– Я тоже счастлив. Несмотря ни на какие условности, ты

самая лучшая девушка, которую я встречал. И мне бы очень хотелось видеть тебя рядом всю жизнь. Ты согласна?

Ксюшка повернулась к нему, и попыталась сквозь ночную темень разглядеть его глаза. Не удалось.

– Ты меня замуж, что ли, зовешь?

– Да, – как всегда лаконично ответил Еж.

– А как же сначала встречаться?

– Зачем? – в голосе парня прозвучало неподдельное удивление. – Я уже плохо представляю свою жизнь без тебя и хотел бы считать тебя именно женой. Ты готова считать меня мужем?

– Да, – сердце девушки ответило раньше, чем разум успел хоть что-то понять.

Уже в следующий миг Еж с дикой, едва сдерживаемой страстью притянул девушку к себе, и они слились в долгом и, как показалось девушке, пьянящем поцелуе. По крайней мере, голова у Ксюшки кружилась, сердце иступленно билось в груди, уже не пытаясь восстановить нормальный ритм, а мысли были напрочь стерты накатившей откуда-то снизу, из живота, волной страсти. И когда парень, наконец, прекратил это безумие, у Ксюшки хватило сил только прошептать:

– Я буду с тобой... всегда.

II

Она не отрываясь смотрела на фото в рамке, висящее на маленькой кухне. Две стройные девушки на плечах у весь-

ма внушительного телосложения мужчины с аккуратно стриженной бородой. Одна постарше, с недлинными угольно-черными волосами, разметавшимися по плечам. Другая моложе. Совсем еще подросток, не старше шестнадцати. Длинные светло-русые волосы убраны в высокий хвост, а яркие зеленые глаза светились счастьем даже со снимка.

Этой фотографией она дорожила. И не потому, что это было первое в ее жизни закрытие мотосезона. И даже не потому, что люди с этой фотографии как-то неожиданно стали очень и очень близкими для нее. Все дело было в человеке, который сделал этот снимок. Девушка до сих пор не представляла, каких трудов стоило привести на это закрытие именно этого человека, но ее папа справился. И сюрприз получился что надо, с искренними объятьями и слезами радости.

Снимок сделан мамой, после стольких лет все же переболевшей себя и приехавшей на этот маленький праздник. Мамой, которая, несмотря на все свои страхи, связанные с мотоциклами, ни разу не попыталась запретить или отговорить. Даже когда единственная дочь перестала быть пассажиром и сама стала управлять мотоциклом. Просто каждый раз теперь на прощание говорила: «Береги себя». Только однажды, на том самом закрытии, она сказала: «Ксюш, я очень хочу видеть тебя рядом с нами, а не рядом с Артуром. Прошу тебя, будь умницей». И Ксюшка обещала.

Она бросила короткий взгляд на часы. Два часа до приез-

да Ежа. Самое время завести что-нибудь потяжелее в колонках и заняться ужином, как и надлежит заботливой и любящей жене. А последний год она себя именно женой и чувствовала, пусть и не узаконенной официально. Последний год они снимали квартиру в центре, недалеко от ее университета. И этот год девушка считала самым счастливым к жизни.

Она загрузила сохраненный плейлист в маленьком нетбуке, и квартиру огласили звуки тяжелого рока. «Анимация», ее любимая в последнее время группа.

Руки девушки механически выполняли рутинные действия, а мысли, тем временем, были в прошлом, пусть и не таком далеком. Три года... Три года, как она встретила Василия и радикально изменила свою жизнь. Три года, как косяк с бахромой из кожаных ленточек ей стала дороже самых шикарных вечерних платьев. И ни одно, даже самое дорогое, бриллиантовое, кольцо не заменит висящий на серебряной цепочке простой стальной кулон в виде фигурки рыси.

Три года сказки, которые промчались, как один день. С той лишь разницей, что теперь ей девятнадцать, она студентка экономического факультета, и, к всеобщей зависти сокурсниц, живет практически семейной жизнью с любимым мужчиной. А еще есть родители, которые всегда ей рады, и друзья, к которым можно обратиться в любую минуту, и они придут. Потому, что стая, это тоже семья. Даже ближе. Это стая. И она, Рысь, часть этой стаи.

Последний год в школе оказался для нее самым трудным. Не в плане учебы, в которой Ксюшка по-прежнему была отличницей. Даже еще более мотивированной, чем раньше. Ей очень хотелось соответствовать новой компании, в которой оказались весьма неординарные люди, и она училась с удвоенной энергией.

Та же Лиса, которую, как в истории о деревянном мальчике, звали Алисой, при более близком знакомстве оказалась талантливой художницей, у которой скоро состоится персональная выставка. Или здоровяк Арчи, офицер некоего спецподразделения в отставке, который при хорошей работе начальника службы безопасности в организации, в которой Стелс был директором, вечерами бесплатно учил детей самообороне и рукопашному бою. И даже зал снимал за свой счет. Или скромняга Вампир, теряющий дар речи при виде симпатичной девушки, хоть сам и старше Ежа на три года. Но если в его присутствии завести разговор об истории, то Вампир напрочь забывает свою врожденную робость и может часами рассказывать о делах давно минувших дней.

Последний год в школе стал для Ксюшки трудным из-за резко испортившихся отношений в классе. Произошедшие с ней изменения, мягко говоря, удивили и одноклассников, и учителей. Но если учителя просто искоса смотрели на облаченную в черную кожаную одежду, украшенную шипованными напульсниками и даже парой нашивок девушку, то од-

ноклассники объявили ей молчаливый бойкот. За спиной все чаще слышалось презрительное «сатанистка», а попытки что-то объяснить разбивались о нежелание людей понимать чуждую культуру.

И если бы не стая, девушка сошла бы с ума. По крайней мере, сама Ксюшка думала именно так. Кобра тогда потратила целый день и оторвала от всех дел Лису, чтобы увезти девушку на Волшебную Лагуну и провести с Рысью сеанс психоанализа. С двумя литрами дорогой, но довольно приятной текилы. Напившихся девушек забирал на машине Стелс, предварительно обматерив их с ног до головы. Ксюшка улыбнулась неожиданно пришедшей мысли: «А ведь не приди я тогда к Ритке за советом, она бы так и не решилась позвонить дяде Косте». Именно в тот день прилично набравшаяся Кобра решилась на звонок давнему, и очень тайному возлюбленному. А прошлым летом они отгрохали сумасшедшую свадьбу.

Психоанализ, как ни странно, помог. Ничего крепче пива или вина на редких слетах и праздниках Ксюшка с того дня не пила. А, получив права, отказалась и от этого, предпочитая всем напиткам обычный квас или морс. Разобраться же с отношениями в классе помогли занятия у Арчи в зале и пара хороших драк. Смотреть искоса, конечно, не перестали, но уверенности в собственных силах у девушки прибавилось. Эти же занятия помогали ей не умирать от скуки в будни, пока Еж находился на учебе.

Ксюшка снова улыбнулась своим мыслям. Их отношения с Ежом в то время были в высшей степени странными. Василий приезжал в пятницу вечером, и до вечера воскресенья Ксюшка не отпускала его от себя ни на шаг. Разве что только домой спать. А потом девушка снова штудировала учебники. и школьные, и те, которые ей подкидывали Вампир и Кобра, читала художественные книги перед сном. И изматывала себя тренировками, лишь бы не ощущать ту щемящую пустоту разлуки. Сейчас той пустоты нет, потому, что за редким исключением, отпускать Ежа на ночь уже не нужно.

К концу учебного года Ксюшка превратилась из девочки-подростка в достаточно образованную и эрудированную девушку с великолепной подтянутой фигурой. И лишь немногие знали, на что может быть способно ее, не такое уже и хрупкое, как раньше, тело. Благодаря тренировкам, девушка прибавила в весе, вплотную приблизившись к сорок восьмому размеру одежды. При этом не испортила фигуру, а, скорее, только приобрела больше женственности. А Арчи сумел вложить в нее не просто умение защититься даже от нескольких противников, но и спокойную, хладнокровную веру в себя.

В тот же год девушка окончательно разругалась с Настей. Это случилось на выпускном вечере. Уже подходя к школе, Ксюшка случайно услышала разговор двух девушек из параллельного класса, что в качестве охраны вечера, кроме

штатного охранника и нескольких отцов, Насте удалось провести своего парня с друзьями. Охватившие девушку сомнения подтвердились уже на школьном крыльце, в лице улыбающейся во весь рот подруги, и маячивших за ее спиной трех парней.

– Настя, отойдем... – Здраваться с молодыми людьми девушка не считала нужным. – Это что за новости?

– Ты о чем? – удивилась Настя.

– Об этих архаровцах. – Ксюшка кивком указала на парней.

– А что?

– Этот урод тоже здесь?

– Скоро будет. И Мишаня не урод. Он тебя любит. Сам мне говорил, что ни с кем ему так хорошо не было, как с тобой...

– И много замен нашел? – перебила Ксюшка монолог подруги.

– Много. Но любит-то он тебя. Дала б ему тогда, и все было бы хорошо.

– А вот это не твое дело, – вспылила Ксюшка. – Сама разберусь, кому давать, а кого посылать.

– Ну да, нормальные пацаны тебе не интересны. Тебе сатанистов подавай. Может, ты плеточки любишь, а?

– Я умных людей люблю, – сквозь зубы процедила Ксюшка. – И не собираюсь, как последняя подстилка, перед всяким быдлом ноги раздвигать.

Дальше все получилось, как на тренировке у Арчи. Неумелую попытку Насти вцепиться в волосы Ксюшка легко отбила и, сместившись немного в сторону, коротко, но сильно ударила подругу в правый бок. С того момента уже бывшую подругу.

Ксюшка вызвала такси, и на последние карманные деньги уехала, как была, в вечернем платье, в гараж стаи. Ей тогда очень хотелось побыть одной, но получилось еще лучше. В гараже, том самом, где праздновали получение Лисой прав на вождение, она встретила самую Алису, которая расписывала одну из стен картиной на тематику байкерской жизни, и помогавшего ей не скучать Вампира. В итоге ночь она провела за сравнительным анализом реформ Петра Первого и Иоанна Грозного и употреблением невозможно крепкого кофе по рецепту Лисы.

Только через несколько дней Ксюшка узнала, что выпускной в школе явно не удался. Помимо того, что основной темой разговоров стала ее с Настей стычка, так еще Настины друзья пронесли с собой наркотики, и бал закончился передозировкой у самой Насти и, в итоге, приездом скорой и милиции.

Ксюшка снова посмотрела на часы. Осталось полтора часа, все основное она уже сделала, горячее поставила, значит можно начинать накрывать стол. Сегодняшний вечер должен стать особенным. Самым особенным в ее жизни. Пару

неделю назад она почувствовала неожиданную тошноту. Но списала это на подготовку к экзаменам и нерегулярное питание абы чем. Задуматься о том, что все это не просто так, заставила уже приличная задержка цикла.

Этим утром она сделала экспресс-тест на определение беременности. И на пару часов даже потеряла способность думать о чем-либо, кроме двух ярких полосок. Когда же способность соображать вернулась, Ксюшка позвонила Ежу, узнала, во сколько он будет дома, и все оставшееся время посвятила приготовлению к праздничному ужину.

Девушка очень хорошо знала, как сильно ее избранник любит детей. Во время одной из их нечастых в последнее время пеших прогулок, где-то около года назад, Еж заметил девочку лет пяти, сидевшую в одиночестве на лавочке в городском парке. Проходившие мимо люди бросали на ребенка сочувственные взгляды, но все же проходили мимо. А Еж остановился, подошел к ребенку и даже сумел малышку успокоить и разговорить.

Оказалось, девочка потерялась. Она убежала из своего двора за более старшими ребятами, но не смогла вернуться. И ребята, за которыми она убежала, тоже куда-то пропали. Ситуация, которая, наверно, случалась в жизни каждого. Но Ксюшку поразило то, как Василий повел себя по отношению к этой девочке. Парень потратил последние наличные деньги, но, первым делом, накормил ребенка и даже угостил мороженым. А потом еще два часа терпеливо катал девочку на

собственных плечах, бродя по округе в поисках ее дома. И только на автобусной остановке, когда они уже передали ребенка встревоженной маме, которая, похоже, только недавно хватилась пропажи, Еж достал из кармана два билета в кино и выбросил их в мусорную урну.

– Прости, Рыська. Хотел тебе сюрприз сделать. Не удалось.

– Какой ты все-таки романтик, – ответила тогда Ксюшка. – Не переживай, ты сегодня сделал доброе дело. А кино мы с тобой в другой раз посмотрим.

Девушка снова улыбнулась своим воспоминаниям. Ежик. Романтичный и добрый парень, который даже спустя три года отношений не утратил этой романтики. Смыслом жизни для него было помогать тем, кто не способен этого сделать самостоятельно. Не самый общительный, часто отвечающий одним-двумя словами. Но сколько раз за эти три года ее истерики и проблемы разбивались о его ледяное спокойствие. Она могла приехать с института и вывалить на него все накопившееся раздражение. Что опять ее кто-то назвал сатанисткой, или преподаватель сильно предвзято отнесся к идеальной, по ее мнению, курсовой работе. Но стоило ему улыбнуться, как она забывала обо всем, что случилось.

Он стал для нее всем. Ее первый и единственный мужчина, ее опора и надежда. Ксюшка чувствовала, что Еж будет рад ее новости, но очень хотела, чтобы этот день запомнился, если и не навсегда, то хотя бы надолго. А потому она порхала

по кухне, расставляя свечи, тарелки, салатники... И продолжая предаваться воспоминаниям.

Три года... Не такой уж большой срок, если вдуматься, но сколько всего произошло в ее жизни за это время. В первый год своей студенческой жизни Ксюшка от души вкусила бесконечных поездок на пригородных электричках, ранних пробуждений и толкучки по утрам. Дорога до института занимала почти два с половиной часа, и ей приходилось вставать чуть ли не в пять, чтобы успевать на занятия. Именно тогда Еж впервые завел разговор о том, чтобы снять квартиру недалеко от учебы. Тогда не разрешила мама, сославшись на то, что Ксюшке еще нет восемнадцати.

Через год Василий пришел к ее маме. Улучив момент, когда самой Ксюшки дома не было. О чем они тогда говорили, Рысь не знала, никто не посчитал нужным рассказать, но уже через месяц они въехали в эту маленькую однокомнатную квартиру. Большую не позволяет скромная зарплата проходящего интернатуру в детском отделении педиатра, а его подработки, связанные с ремонтом автомобилей, были слишком нерегулярны, чтобы на них рассчитывать. Да и не хотелось ей большего. Это было пусть маленькое и тесное, но ставшее за прошедший год таким родным гнездышко.

Девушка регулярно поднимала вопрос о том, чтобы самой пойти работать. Не то, чтобы ее тяготил вопрос нехватки денег. Как управлять семейным бюджетом, она освоила доста-

точно быстро, да и того, что зарабатывал Еж, им вполне хватало. Просто ей невыносимо было сидеть вечерами дома одной, когда Василий был на дежурстве в больнице, и мысль заполнить это время каким-нибудь, полезным для их молодой семьи, делом казалась ей подходящей. Да и учеба давалась ей на удивление легко, и много времени на подготовку рефератов, курсовых и прочих домашних заданий не занимала. Но Еж каждый раз отвечал на это просьбой сосредоточиться на образовании, хотя бы до последнего курса. И, стоило ему улыбнуться, как все ее аргументы, старательно заготовленные к очередному разговору на эту тему, рассыпались, забывались, а желание спорить пропадало напрочь.

А потому она продолжала много читать, и раз в неделю ездить в родной город по вечерам, на тренировки. Бросать занятия с Арчи она не собиралась, хоть и появлялась в зале гораздо реже. Но приседания, отжимания и пресс по утрам по-прежнему были для нее обязательным ритуалом. По крайней мере, до этого утра.

Ксюшка в который уже раз посмотрела на часы. Еж задерживался уже на час, и это было очень странно. А выключенный телефон только добавлял беспокойства. Он никогда не задерживался, не предупредив об этом. И, тем более, никогда не выключал телефон. Ксюшка сидела за накрытым праздничным столом, сжимала в руках мобильный телефон и совершенно не знала, что ей думать. Ожидание станови-

лось невыносимо, и она набрала номер Кобры.

– Рита, привет. Еж не у тебя?

– Нет, – ответила удивленная Кобра. – И не появлялся. А что?

– Он сегодня к маме уехал утром. Уже час, как должен был вернуться. И телефон выключен. – Голос Ксюшки дрогнул от накативших слез. – Рит, я не знаю, что уже думать.

– Ты дома? – голос Кобры прозвучал собранно, даже как-то сухо.

– Да.

– Через десять минут буду, сестренка. Разберемся.

Кобра отключилась, оставив девушку наедине с мыслями.

И эти мысли становились все страшнее и страшнее.

Рита приехала позже обещанного, минут через двадцать.

Не разуваясь прошла на кухню и уселась возле окна.

– Я позвонила Арчи, он сейчас город носом роет. А мы с тобой сидим и ждем. Ясно? Кстати, по какому поводу полянка?

– Сюрприз ему хотела сделать... – ответила Ксюшка. – Новостью порадовать.

– Какой?

– Вот. – Ксюшка взяла с подоконника тест-полоску, и протянула собеседнице.

Кобра с минуту непонимающе смотрела на тест, потом расплылась в самой искренней улыбке.

– Рыська, девочка моя... Ты... Ксюха... Дай я тебя обни-

му. – Рита стиснула девушку в объятиях. – Ты давно знаешь?
– Сегодня тест делала, – честно призналась Ксюшка. – А мутит уже недели две.

– А Васька знает? Хотя да, ты же только собираешься ему рассказать...

Именно в этот момент мелодичной трелью отозвался телефон Кобры.

– Да. Что? – Кобра поменялась в лице, и это насторожило Ксюшку. – Вадик, ты уверен? Где? Я уже с Рысью. Сама скажу, ты там реши все вопросы, хорошо. Спасибо, брат.

Кобра швырнула телефон на стол и потеряла виски. В глазах непробиваемой оптимистки стояли слезы.

– Что там? – не утерпела Ксюшка.

– Рысь, ты сядь, пожалуйста, и постарайся отнестись к этому спокойно. Тебе нельзя нервничать.

– Да что случилось-то?

– Еж разбился. На выезде из города какой-то пенсионер его подрезал... Рысь... Рысь!

Ксюшка самым банальным образом потеряла сознание.

Кобра закрыла дверь за фельдшером скорой и вернулась в комнату, в которой на не разобранном диване лежала Ксюшка. Лежала, невидяще глядя в потолок и почти не реагируя на происходящее вокруг. Врач сказал, что ей необходимо беречь себя от стрессов, но как это сделать, когда мир рухнул. И раздавил ее всей своей тяжестью. Да и какой смысл? Его

нет. Он больше не придет уставшим под вечер. Не поставит привычным жестом свою косуху в угол прихожей. Не обнимет. Не спросит, что на ужин и как прошел ее день. Никогда уже не спросит. Ксюшка смахнула набежавшие слезы и скорее почувствовала, чем увидела, чье-то присутствие.

– Почему так? За что?

Кобра села рядом, на самый краешек дивана, и взяла Ксюшку за руку.

– Потому, что такая у нас жизнь, Ксюш. Рисксовая и беспощадная. И иногда нам приходится переживать и потерю близких. Стискивать зубы и жить дальше.

Ксюшка посмотрела на Риту.

– Зачем? Для кого?

– Для того, кто у тебя в животе, Рысь. Сейчас мы с тобой не имеем права быть слабыми. – Кобра помолчала, будто что-то вспоминая, и потом продолжила. – Знаешь, Васька всегда с презрением относился к тем, кто бросает своих детей... Одному даже морду разбил, когда услышал, как тот хвалился, что алименты не платит.

– Почему?

– Он считал, что дети – это билет в бессмертие. И в чем-то он прав. Был. Дети – это сохранение частички наших душ и характеров, сохранение генетики. Это наш след в этом мире, наконец.

Кобра резко повернулась к окну, как будто пряча от девушки слезы. Ксюшка с некоторым удивлением посмотрела

на старшую подругу, видя перед собой сейчас не вечно молодую Кобру, а разом постаревшую, тридцатилетнюю женщину.

– Я обычно это никому не рассказываю... – Продолжила Кобра, с видимым усилием преодолевая дрожь в голосе. – Даже Ежу не говорила... Разве Костику недавно... Я ведь не могу сама иметь детей... И Васька был мне не просто брат... Он был как сын, которого никогда не будет...

– Рита...

– Нет, я сама виновата. Надо было рожать, когда был шанс... А я аборт сделала. Неудачно... – Кобра резко повернулась и посмотрела Ксюшке в глаза. – Обещай мне, Рысь, что сбережешь малыша. Сейчас же обещай. Это все, что останется от Ежа, кроме памяти.

– Я... Я не могу, Рит. Не могу этого обещать. – Ксюшка отвела глаза, не в силах выдержать взгляда собеседницы. – Я для себя не вижу смысла жить дальше. А ты про ребенка... А вдруг я не справлюсь... Одна...

– Не смей так думать. – В голосе Кобры скользнули нотки металла. – Справишься. И ты не одна. У тебя есть мы. – Она посмотрела на часы. – Нам собираться надо. Сейчас Стелс подъедет на машине, отвезет тебя к родителям. Одну я тебя не оставлю сейчас, даже не спорь.

Ксюшка рывком поднялась с дивана и, едва не столкнув Кобру на пол, быстрым шагом ушла к туалету. Приступ тошноты накатил столь внезапно, что ответить подруге что-либо

девушка просто не успела. Встречать Стелса пришлось Кобре.

– Привет, ты как? – услышала девушка хорошо знакомый голос крестного в прихожей.

– Держусь. А вот Рысь совсем раздавлена.

– Неудивительно. Где она?

– В уборной. Тошнит ее.

– Почему?

– Костя, не тупи. Ну, сам подумай, от чего может тошнить молодую здоровую девушку? Беременна наша Рыська.

– Ох ты... – Что Стелс говорил потом, Ксюшка не расслышала за новым приступом тошноты. Когда же девушка все же привела себя в порядок и вышла из уборной, мужчина просто обнял ее, не говоря ни слова.

По дороге на Ксюшку снова накатили слезы. Нет, она не устроила истерики и рыданий. Просто молча смотрела в окно на такие знакомые пейзажи, и слезы текли сами собой. Каждый метр этой дороги был просто пропитан воспоминаниями.

Вот поворот на Волшебную Лагуну. То самое место, где она, зачарованная видом леса, так бездумно промочила одежду и потом провела весь день в его футболке. Их, можно сказать, первое свидание. Странное, как и все, что было связано с Ежом.

Восемнадцатый километр. Первая ее самостоятельная поездка на мотоцикле. Прошлый август, чуть меньше года на-

зад. Она тогда здорово шлепнулась, не удержав свой, довольно легкий, кавасаки. И Еж почти полчаса не разрешал ей встать, пока не проверил чуть ли не каждую косточку и не убедился, что кроме испорченных штанов и пары ссадин, с девушкой ничего не случилось.

Поворот в город. Пробка. На встречной полосе стояла поперек движения старенькая «семерка» со следами сильного удара. Перед машины был разворочен с правой стороны. А осколки разбитых фар и ветрового стекла украшали дорогу в радиусе, наверно, метров пяти. Рядом стояла машина скорой, возле которой оказывали помощь пожилому мужчине. Возле разбитой машины неспешно что-то замеряли рулеткой два сотрудника дорожной инспекции. И там же, всего в паре метров от «семерки», лежал на боку приметный черный «урал».

Ксюшка закрыла глаза, но все равно видела впечатавшуюся намертво в память картину. Вмятое в двигатель, раздавленное чудовищным ударом переднее колесо, искореженный руль, сорванные подsumки, слетевший глушитель. Мотоцикл мало напоминал того зверя, которым Еж гордился, самостоятельно собрав его из списанной рамы и переделав под себя. Но не узнать байк она не могла. Аэрография на баке. Подарок Лисы на его последний день рождения. Маленький, но лихого вида ежик в рогатом шлеме и защитных очках, верхом на мотоцикле. Маленький, смятый в жестокой аварии ежик.

Девушка с силой ударила спинку переднего сидения, и, спрятав лицо в ладонях, заплакала в голос.

– Костя, твою мать, – услышала она рассерженное шипение Кобры. – Ты другой дорогой проехать не мог?

– Да я думал, тут уже растащили все...

– Думал он... Три часа всего прошло.

– И что?

– А то. Хрен кто чего растащит за три часа. Думать головой надо было, а не...

– Замолчите! – крикнула Ксюшка и, в наступившей в салоне тишине, добавила: – Пожалуйста, замолчите. Хватит уже собачиться. Цените, блин, друг друга... Пока вы друг у друга есть.

На похороны Василия она поехала, вопреки всем уговорам и угрозам. Не могла не поехать. Не простила бы себе. Но вид закрытого гроба настолько ошеломил ее, что она очень долго не решалась к нему подойти. Не верила.

– Ты как, Рыська?

Она дернулась и обернулась к подошедшему сзади Арчи.

– Вадик, а почему гроб закрыт? Ты уверен, что это именно Васька?

– Уверен... К сожалению. А закрыт... – Арчи провел пальцем по ее щеке, смахивая слезы. – Закрыт потому, что то, что осталось от Ежика, лучше не видеть. Особенно тебе, Рысь.

– А что?..

– Не нужно... Уж на что я крови в свое время повидал, и то передернуло в морге. Не нужно, Ксюш... Поверь...

Девушка развернулась и все-таки подошла к гробу. Точнее, попыталась... И сделать-то ей надо было не больше пяти шагов, но ноги предательски слабели, а в глазах с каждым шагом становилось темнее. Кто-то, она уже не видела кто, подхватил ее под руку, не дав упасть. Но дальше уже не пустили. И, пока девушка пыталась освободиться из поддерживавших ее рук, кладбищенские грузчики ловко опустили гроб в могилу и уже начали закапывать. В глазах стало совсем темно, и последнее, что она услышала, был призыв вызвать неотложку.

Она пришла в себя и с минуту непонимающе рассматривала потолок.

– Ксюша. – Услышала она голос мамы. – Ты как? Как же ты нас напугала.

– Жить буду... – Разговаривать ей не хотелось, но не ответить маме она не могла.

– Доктор говорит, тебе покой нужен, так что придется полежать.

– Хорошо, – ответила Ксюшка, все так же безразлично рассматривая потолок.

– Очнулась?

«Голос мужской, не знакомый. Возможно, и есть тот са-

мый доктор. Ну и пусть».

– Да.

– Вот и хорошо. Идите, пожалуйста, домой. Мы сейчас ее посмотрим и успокоительного дадим. Она все равно будет спать.

«Какой успокаивающий голос. – Подумала Ксюшка. – Ежик, наверно, так же говорил с родителями своих маленьких пациентов... Ежик...»

Опять потекли слезы. Рысь закрыла глаза и глубоко вдохнула, пытаясь их остановить. Не помогло. Мама, судя по удаляющимся шагам, ушла, но Ксюшку это не сильно беспокоило.

– Ну, Ксения. – Доктор сел рядом. Девушка открыла глаза, и снова уставилась в потолок. – Как вы себя чувствуете?

«Не хочу отвечать. Он не мама, не папа... И уж тем более не Еж...».

– Ну что ж, тишина – тоже ответ... – мужчина помолчал с минуту, перебирая какие-то бумаги. – А вы еще и в положении?

Рысь согласно кивнула.

– Давно?

Она отрицательно мотнула головой и нервным жестом смахнула продолжавшие бежать слезы.

– Понятно. У меня в неврологии вам делать нечего. Переведем вас в гинекологию на сохранение. Сейчас к вам сестра подойдет, сделает укол, после которого вы, Ксения, уснете и

проспите примерно сутки. Проснетесь уже в другом отделении. Не бойтесь, плоду это не повредит. Уж точно не страшнее обмороков. Надеюсь, вы не будете сопротивляться?

– Колите, что хотите, – ответила Рысь и отвернулась к стене.

Из больницы ее выписали через пять дней, но еще весь следующий месяц Ксюшка прожила, как в тумане. Воспоминания ее были обрывисты и не давали полной картины происходившего, но ей это было безразлично. Девушка оказалась в полной власти апатии и отчаяния, и о том, что она еще жива, ей напоминали только приступы токсикоза да ругань мамы и Кобры, чуть ли не силой заставлявших ее съесть хоть что-нибудь. Она замкнулась. Перестала разговаривать. Перестала отвечать на телефонные звонки и открывать дверь квартиры. Даже из комнаты своей выходила только в случае крайней необходимости. С ней постоянно кто-то находился, за нее вполне искренне переживали. Но Ксюшке это было безразлично. Пока с ней не случилось еще одно в ее жизни чудо.

Она стояла на берегу реки, в месте, очень сильно похожим на Волшебную Лагуну. Смотрела на лес на другом берегу реки. Но лес ее не завораживал. Зато сзади она слышала до боли знакомое урчание холостых оборотов «урала». Безумно хотелось обернуться, но обернуться ей было очень страшно.

– Рыська, – услышала она знакомый голос и вздрогну-

ла. Двигатель замолчал. Ксюшка глубоко вдохнула и обернулась.

Еж стоял возле мотоцикла. Невозможно красивый, как будто светящийся изнутри. Манящий своими лазурными глазами. Но девушка откуда-то знала, что не сможет к нему прижаться, как бы ей этого ни хотелось.

– Ты что с собой делаешь, Рыська? Зачем ты себя убиваешь?

– Ежик, милый... – Слова давались Ксюшке с трудом.

– У меня мало времени, Солнышко. Мне уже пора...

– Куда?

– Тебе туда еще рано, – уклончиво ответил парень. – Послушай меня, пожалуйста. У тебя впереди жизнь. И тебе растить нашу дочку. Хватит упиваться своей болью. Мне жаль, что все так случилось... Но этого уже не изменить... Обещай, что будешь умничкой и перестанешь себя убивать.

– Вась, почему так?

– Обещай, Рыська. – Парень сел на мотоцикл. Снова заурчал двигатель. – Дай мне отправиться в путь с легким сердцем.

Ксюшка почувствовала, как в глазах защипало от собирающихся слез.

– Обещаю, мой хороший. Обещаю...

– И помни, я всегда буду рядом.

Байк взревел мотором, и девушка открыла глаза.

«Просто сон? Тогда почему на душе так спокойно? – она

некоторое время лежала, глядя в потолок. – Интересно, а беременным девушкам можно немного кофе?»

Ответа Ксюшка не знала, а Ежика, который бы дал однозначный ответ, рядом теперь не было. И девушка решила, что спросить совета будет не лишним.

Она дотянулась до радиотелефона, и по памяти набрала номер.

– Кому там жизнь не дорога? – сонно ответили в трубке.

– А скажи мне, моя ненаглядная змеиная королевна, беременным девушкам можно кофе.

– Рысь? – Кобра явно была удивлена звонком. – Ну, знаешь... Вообще-то нет... Но в твоём случае, я бы еще и водки граммов триста хряпнула. Только без меня не пей, я сейчас приеду. Оденусь только.

Трубка загудела, и Ксюшка не спеша встала, чтобы заранее открыть дверь, избавив Риту от необходимости звонить, и поставить чайник. На звук гремящей посуды вышла мама.

– Ты чего тут шумишь?

– Чайник ставлю. – Ксюшка меланхолично пожалала плечами, и впервые за последние дни, улыбнулась. – Умираю, хочу кофе.

– Тебе вредно.

– Один разочек можно. Ну, честно, мам, ну очень хочется.

Хлопнула входная дверь, и уже через полминуты в кухню ввалилась запыхавшаяся Кобра.

– О, Машуля, привет. Тебя тоже эта сказка разбудила?

– Ага. Громыхала посудой на всю квартиру.

– Зато очнулась. – Кобра поставила на стол бутылку коньяка. – Сегодня Ваське сорок дней...

– Он мне сегодня приснился... – вставила Ксюшка и снова улыбнулась.

Женщины ошарашено посмотрели на нее.

– И что? – первой нарушила молчание Маша.

– Он уехал. Куда не сказал. Но это и так понятно. Взял с меня обещание быть умничкой и перестать себя убивать... И что у нас... У меня... Не знаю, как теперь правильно говорить... В общем, дочка будет. Как-то так...

Спустя неделю Ксюшка все же решилась выйти на улицу. Добровольное затворничество стало ее тяготить, да и мама чуть ли не ежедневно говорила ей о пользе прогулок в ее положении. И в результате девушка сдалась этому мягкому напору. После ночной посиделки женским коллективом ей действительно стало несколько легче. Да и разговоры с папой тоже сильно поспособствовали ее душевному успокоению.

Заставить себя сесть на мотоцикл Ксюшка не смогла. Простояла минут пять возле припаркованного у подъезда «кавасаки», подаренного Ежом на совершеннолетие, но так и не решилась завести двигатель. И, в итоге, неспешным шагом прогуливалась по городским улицам, наслаждаясь свежим воздухом и последними солнечными деньками сентября. Шла, вспоминая точно такие же прогулки вместе с тем,

кого так привыкла считать своим.

Когда-то давно, еще в детстве, Ксюшка мечтала о любви, как в сказке. Чтобы один раз, и пока смерть не разлучит. Потом появился Василий, и для нее сказка стала реальностью. И она привыкла за эти три года чувствовать себя сказочной принцессой, под надежной охраной и бесконечной заботой прекрасного принца. И теперь смерть разлучила. Только ни одна сказка не говорила о том, как поступать в случае, когда принца больше нет, и наступает время принцессе становиться золошкой.

Она остановилась возле скромной вывески «Обсидиан». Табличка на двери приветственно сообщала, что магазинчик открыт, и девушка колебалась всего пару секунд, перед тем как спуститься по знакомым ступеням.

В полумраке магазина Кобра, с явно озадаченным видом, почесывала затылок, держа свободной рукой связку с какой-то одеждой.

– Не знаешь, куда закинуть?

– Рысь? – Кобра удивленно обернулась на голос. – Представляешь, без Ежа не могу разобраться. У него так ловко получалось раскладывать поставки, что и место оставалось, и все под рукой. А я не могу. Пятый день долблюсь, как об стенку... И ни хрена.

– Значит, я вовремя, – улыбнулась Ксюшка и скинула куртку за прилавок. – Давай вместе попробуем что-нибудь придумать.

– Давай, – согласилась Рита. – А ты какими судьбами?

– Гуляла...

– Пешком?

– Пешком. Завестись страшно стало. – Честно призналась девушка. – Но это пройдет, я думаю...

– А как вообще себя чувствуешь? – Кобра подошла ближе и посмотрела Ксюшке в глаза.

– Токсикоз отпустил после кофе, – улыбнулась в ответ девушка.

– Хорошо, но я не об этом.

– Пусто. – Улыбка сползла с Ксюшкиного лица. – Рыдать в подушку перестала, конечно... Но...

– Сейчас чай сделаю, и все расскажешь. Вижу разговор у тебя серьезный.

– Ну да. Я все шла, думала... Рита, я хочу уехать. Мне тяжело здесь находиться.

– Куда? – Голос Кобры был по-прежнему весел, но, судя по взгляду, Рита отнеслась к словам очень серьезно.

– Не знаю, куда-нибудь. Но подальше от воспоминаний. Иначе я с ума сойду. Я, наверное, слабачка, но мне действительно тяжело... Невыносимо...

– Если бы ты была слабачкой, ты бы никогда не стала Рысью, сестренка. Давно это решила.

– Сегодня, пока гуляла. Все пыталась найти ответ, как жить дальше. Без Васьки. И выход я нашла только один.

– Знаешь, Рысь. – Рита усадила девушку на диванчик для

примерки обуви и протянула ей чашку с чаем. – Для всех нас смерть Ежика стала ударом. Моя мама до сих пор плачет по ночам... И постарела лет на десять. Но у нее, по крайней мере, еще есть я. И скоро будет внучка... Мы все потеряли близкого человека, друга, брата... А ты потеряла смысл своей жизни, и поэтому я тебя понимаю. И очень не хочу пережить то, что пережила ты. И отговаривать не стану, хоть мне и будет тебя не хватать. Если будет нужна помощь, обращайся. Ты всегда можешь на нас рассчитывать.

– Ну, только если поговорить с мамой. Папа, я думаю, меня поймет. А вот мама... Приезжайте к нам вечером.

– А где деньги на переезд возьмешь?

– Байк продам. На первое время мне хватит, а там разберусь. Не маленькая уже.

– Ну да, скоро уже рожать. – Кобра слегка хлопнула подругу по плечу. – Допивай чай, и пошли шмотье разгрести, раз уж вызвалась.

Опасения Ксюшки насчет маминой реакции оказались напрасны. Когда девушка на семейном совете объявила о своем решении уехать, отговаривать никто не стал, хоть и было видно, что хотели все. И следующую неделю девушка потратила на подготовительные мероприятия. Прежде всего, появилась в университете, откуда забрала документы. Она не хотела бросать учебу, и уже к вечеру определилась с новым Вузом, в который ее согласились взять на заочную форму

обучения. С потерей курса, но зато в Москве.

Продать мотоцикл вызвалась Кобра, и через два дня у девушки уже была внушительная сумма на первое время. Ксюшка подозревала, что дело не обошлось без очередных Ритиных хитростей, но спрашивать ни о чем не стала. И вообще девушка в эти дни старалась как можно больше времени проводить в одиночестве, чувствуя себя предателем. И по отношению к родителям, которых оставляла, скорее всего, навсегда. И по отношению к стае. К людям, которые в эти дни окружали ее заботой и участием. Но она больше не могла находиться в родном городе. Слишком много памятных мест, и слишком пусто от этой памяти в душе.

В последний перед отъездом день она встала очень рано. Наскоро собралась и, вызвав такси, уехала в самое памятное, почти сакральное для нее место. Волшебная Лагуна. Столь поэтичное название когда-то дала Лиса, тоже испугавшаяся в одежде в этом месте. И Ксюшка не могла не согласиться, что на укрытой от посторонних глаз полянке на берегу реки всегда безветренно, тихо и спокойно. Волшебно. И лес на другом берегу все так же завораживал своей красотой и величием. Ксюшка стояла на берегу несколько часов, вглядываясь в эти деревья. Пытаясь их запомнить. И в который уже раз пытаясь самой себе ответить на вопрос, спасет ли ее это бегство. Рука девушки машинально легла на живот. Жест, который с каждым днем становился все более привычным. Там, пока еще не ощутимо и не видимо, но уже теплилась

новая жизнь. И новый смысл в жизни самой Рыси.

Ксюшка не знала, скорее верила, что дочь будет очень похожа на своего папу. А значит, Еж к ней еще вернется. И, действительно, будет рядом. Ксюшка улыбнулась этой мысли сквозь безостановочно бегущие слезы и подставила лицо внезапному порыву ветра.

– Мы сильные, моя маленькая Кира, – прошептала Рысь. – Мы справимся. Ради Ежа... Ради друг друга. Мы все с тобой выдержим. Мы же дочери байкеров...

Сзади раздался быстро приближающийся рев мотора. Не «Урал», хоть и замерло на секунду сердце в ожидании невозможного, «Хонда». Различать мотоциклы стаи по звуку двигателей ее тоже научил Еж. И правда, через пару минут на поляне появилась встревоженная Кобра.

– Вот ты где. Звук у телефона включи. Там весь город на ушах... Ты опять плачешь?

– Кобра, все в порядке. Я просто прощаюсь с прошлым, чтобы спокойно встретить будущее.

– Кстати о будущем. Ты как ехать то собралась?

– На автобусе.

– Так. Махни деревьям лапкой, и поехали.

– Поехали. – Ксюшка развернулась к лесу спиной. – Только не гони, пожалуйста.

Кобра привезла девушку в гараж, где ее уже ждала вся стая в полном сборе. Ее обступили, ее обнимали, ей желали удачи и зеленых светофоров, обещали приезжать к ней и

просили не забывать их. А Ксюшка молчала и плакала, не зная, что ответить. Как сказать, что она не хочет больше возвращаться.

– Да пропустите вы ее уже, – не своим голосом заорала Кобра, и бесконечные объятия прекратились. – Рысь, маленькая моя. Мы долго все думали... Мы не можем тебя удержать, но и отпустить просто так не можем.

Кобра подошла к укрытому плотной тканью мотоциклу. И, сдернув ткань, с гордостью посмотрела на девушку.

– Знакомься. Черный Дракон. Еж создавал его последние два года буквально с нуля. Теперь он твой. Так решила стая. Ну, скажи уже хоть что-нибудь.

– Охренеть... – Вырвалось у Ксюшки.

Стоящий перед ней мотоцикл, нет, именно байк, поражал. Черный, обделанный кожей и хромом, он ощущением скрытой мощи неуловимо напоминал Руну Стелса. Только не имел с заводской моделью ничего общего. Плавные линии рамы и бензобака, широкое и мощное заднее колесо, объемные подsumки, вынесенная вперед вилка, стилизованная под лапы неведомого чудовища, оправленный в пасть дракона фонарь... Байк именно поражал. Он бил своим внешним видом в самое сердце, и повисшая в гараже тишина была этому самым ярким подтверждением.

Девушка оглянулась, ища глазами мотоциклы друзей. «Хонда Х4» с приготовившейся к броске коброй. «Кавасаки» с сидящей лисой, укутавшейся в собственный пушистый

хвост. Валькирия с угловатым самолетом. «Ямаха» – с запахнувшей в долгополый плащ человеческой фигуркой на фоне полной луны... На баке каждого мотоцикла красовался значок, указывающий на хозяина. И единственное исключение – черная «Хонда Магна» с красной надписью «Арчи» в старорусском стиле. Ксюшка повернулась к Кобре с неммым вопросом в глазах.

– В память о Ежике, – ответила за подругу Алиса. – Его байк был первым. Теперь метки у всех.

Рысь снова перевела взгляд на Дракона. Его топливный бак украшала, сверкая свежей краской, растянувшаяся в хищном прыжке, искусно нарисованная рысь.

– Ребята... Я... – Ксюшке не хватало слов, чтобы описать охватившие ее чувства.

– На таком в Москве будет не стыдно, – услышала она голос Арчи. – Береги его, Рысь. В него Еж часть своей души вложил.

Уже следующим утром Дракон басовито урчал двигателем возле подъезда, ожидая хозяйку. А Ксюшка сидела на байке, все не решаясь включить передачу и повернуть ручку акселератора. И, казалось бы, уже все решено, все сделано и все сказано, но девушка не могла совершить этот последний шаг. Пока не увидела входящую во двор Настю в сопровождении Миши. Ксюшка не стала дожидаться, пока бывлая подруга подойдет достаточно близко. Легкое движение ноги, небольшой поворот ручки, и байк, утробно взревев, начал

набирать скорость, унося хозяйку прочь.

Ш

– Ксения Ивановна, тут входящий вызов по межгороду. Странный... – Голос секретаря отвлек ее от просмотра страницы с подарками.

– В смысле?

– Сказали, что некая змеиная королева. И просто-таки требуют соединить с какой-то рысью.

– Уже обматерили тебя?

– Нет... – Судя по голосу, секретарь была удивлена поведением начальницы.

– Соединяй.

Короткий щелчок интеркома, и женщина сразу сняла трубку.

– Рысь. Ты где таких куриц находишь?

– Аве, Кобра. Не сердись, девочка второй месяц только работает.

– А предыдущая где?

– В декрет ушла. Как вы там?

– Да мы нормально. Правда, Костик что-то сдавать начал... Но мы разберемся. Вы как?

– Хорошо. Кира на прошлой неделе свою первую кольцовку выиграла. Сижу, думаю, чем наградить ребенка.

– Да ну? Во летунья... На чем она сейчас гоняет?

– «Дукагги» спортивный, на полторы тысячи кубиков. –

Женщина улыбнулась. – Зверюга страшный. Я прокатилась, чуть со страху не умерла. Не знаю, как она на таких чудовищах гоняет... По мне, Дракоша на порядок лучше.

– Блин, сестренка, не дразни... К нам не собираетесь?

– Кобра... – Женщина помолчала. – Ты же знаешь, Рита...

Может вы к нам?...

– Ладно, Ксюха. Давай без шуток. – Голос собеседницы стал серьезным. – Приезжайте. Бросайте все и приезжайте.

Мне нужна твоя помощь. Очень.

– Что с тобой?

Кобра с минуту молчала, будто решаясь о чем-то сказать.

– Нет, Рысь. Не по телефону. Но все действительно серьезно, иначе не звала бы. Приезжай. Кроме тебя мне никто помочь не сможет.

– Я поняла, – после паузы ответила Ксюшка. – Ждите. Давно мечтала показать Кире Лагуну.

Женщина повесила трубку, не дожидаясь ответа. Вернуться... Вернуться туда, откуда убежала семнадцать лет назад. И куда не возвращалась с того дня ни разу. Она потеряла виски и нажала на интерком вызов секретаря.

– Оля, кто из замов на месте?

– Федорчук, – ответила секретарь.

– Вызови его ко мне. И начальника гаража тоже.

Ксюшка отключила интерком и повернулась к компьютеру. Страница с подарками. Она закрыла браузер и выключила компьютер. Подарок теперь будет другой. Вот только по-

нравится ли он...

В дверь постучали, и через секунду показалось встревоженное лицо зама по финансам. Сублильный и трусоватый мужчина, с дурацкими усиками и легкими зальсынами. «А ведь он моложе меня, – подумала женщина. – Как же он себя так запустил... Может, уволить его, пусть взбодрится». Он раздражал Ксюшку. Раздражал подобострастным поведением, бесконечным пресмыканием и масляными взглядами, которые бросал на ее фигуру. Но слишком хорошо этот тип знал свою работу, чтобы просто так его уволить. Не найдя адекватной замены. А разваливать дело всей жизни из-за капризов она пока не собиралась.

– Можно, Ксения Ивановна? Вы вызывали? Что-то случилось? По Петербургу отчетность еще не пришла, но мне звонили, сказали...

– Уймись, Петр Михалыч, – оборвала монолог женщина и довольно улыбнулась, когда собеседник замер с открытым ртом. – Я тебя по другому поводу отвлекла. Я на неделю – другую уеду. Останешься за старшего. Все понятно?

– Да-да, мне все понятно. Не беспокойтесь. Все хорошо будет...

– Вот и славно. Иди.

Ксюшка дождалась, пока заместитель выйдет из кабинета, и встала из-за стола. Взгляд ее упал на отражение в зеркале. Бедра стали немного шире, грудь немного больше, небольшой животик... Все же возраст берет свое даже сквозь тре-

нировки. Но в целом из зеркала смотрела красивая, по-прежнему стройная и подтянутая женщина не старше тридцати. Ксюшка глубоко вдохнула, и улыбнулась отражению. Для своих тридцати шести она выглядела великолепно.

Вспомнилась вечерняя прогулка с дочерью по Александровскому Саду пару недель назад. Когда к ним подошли двое молодых людей. Ксюшка тогда не стала прерывать их весьма тактичную попытку завязать знакомство, и они провели очень не плохой вечер в итоге. Но вспомнилось не это. Уже в кафе, куда их пригласили ребята, один из них спросил Киру, почему у нее такая сестра необщительная. И Кира ответила в свойственной ей манере: «Мам, ты чего необщительная? Ребята, вроде, култорные...» Их часто принимали за сестер, и Ксюшка считала это лучшим комплиментом ее внешности.

В дверь снова постучали, и почти сразу в кабинет вошел крепкий мужчина средних лет. Достаточно высокий, в меру подтянутый и, как всегда, гладко выбритый.

– Разрешите, Ксения Ивановна?

– Да, Леша, входи.

Этот мужчина был ей симпатичен, в отличие от предыдущего посетителя. Не на столько, чтобы захотелось закрутить роман, хоть он и был достаточно привлекателен. Скорее, как человек. Спокойная уверенность, сквозившая в его действиях, всегда холодные, слегка прищуренные глаза... В нем чувствовалась армейская закалка, начиная с этого неиз-

менного «разрешите» и заканчивая четкими границами субординации, которые он никогда не переступал.

– Леша, у тебя кто из водителей сейчас свободен?

– Вадик только с тест-драйва вернулся. Он на сегодня все, я его отпускать хотел.

– Задержи, меня до дома отвезет. Я его сама потом отпущу.

– Сделаю.

– И еще. Ты можешь моего Дракошу к дороге подготовить?

– Далеко ехать?

– Домой... – Ксюшка помолчала, и решила все-таки уточнить: – Тысячу триста километров. Посмотри его опытным глазом, пожалуйста, чтобы доехала. И к вечеру ко мне пригони. Такси потом за мой счет.

– Хорошо, Ксения Ивановна.

– Спасибо, Леша. Иди. Скажи Вадиду, что через десять минут выезжаем.

Начальник гаража молча кивнул и вышел из кабинета. Такой же немногословный, как и... Ксюшка тряхнула головой, отгоняя непрощенные мысли. Как же трудно заставлять себя не вспоминать, когда невозможно забыть. «Ладно, – сказала женщина своему отражению в зеркале. – Вдох. Выдох. Погнали».

Спустя час черный представительский ауди припарковал-

ся возле ворот неброского, по сравнению с соседями, дома в весьма не бедном коттеджном поселке.

– Спасибо, Вадик, – сказала Ксюшка молодому парню, сидящему за рулем.

Она уже открыла дверь, чтобы выйти, но остановилась.

– Вадик, а у тебя девушка есть?

– В каком плане, Ксения Ивановна? – удивился парень.

– Ну, в каком плане бывают девушки.

– Есть.

– Держи. – Ксюшка протянула парню две пяти тысячные купюры. – Считай это внеплановой премией. Сегодня пятница, значит, машину вернешь в гараж в понедельник. Лешку я предупрежу. Удиви ее чем-нибудь.

Женщина вышла из машины и пошла к воротам. Ее домик был самым маленьким в поселке, где каждый сосед стремился быть выше и круче другого. Всего два этажа, несколько комнат, и отдельно стоящий гараж на три машиноместа. Для семейного пикапа «mitsubishi L200», в который Ксюшка влюбилась, еще когда Стелс купил себе такой внедорожник после их с Коброй свадьбы, и четырех мотоциклов. Гоночный «дукатти» и кроссовый «кавасаки» Киры сейчас стояли в гараже, выстроившись в линию вдоль задней стены. Еще два места пустовали. И если Ксюшкин Дракон сейчас был в мастерской ее техцентра, все же семнадцать лет, серьезный возраст для байка, то третий мотоцикл дочери, черная шоссейная «хонда» стоял прислоненным к перилам крыль-

ца. Значит, Кира уже вернулась с учебы. «Никогда не припаркуется, как надо, – покачала головой женщина, обходя мотоцикл и поднимаясь по лестнице. – Кобры на нее нет. Быстро бы научилась».

Кира. Семнадцать лет эта взбалмошная, упрямая и до невозможного похожая на своего папу девчушка была для Ксюшки всем. Тем самым, казалось, навсегда потерянным смыслом. Именно ради Киры женщина пятнадцать лет назад бросила весьма хорошую работу, которую ей с таким трудом удалось найти после переезда, и все же организовала собственное дело. Сеть авто и мотосалонов, с собственными станциями технического обслуживания и ремонта. А начиналось все со съемной однокомнатной квартиры в ближнем Подмосковье и одуряющего одиночества девятнадцатилетней беременной девушки. А потом и маленькой дочки на руках. Но Ксюшка справилась. И считала это хорошей местью судьбе за отобранную любовь.

Женщина открыла входную дверь, и ее тут же накрыла волна жестких гитарных риффов. В очередной раз она поймала себя на мысли, что Еж мог бы гордиться своей дочкой. Кира не представляла своей жизни без тяжелого рока и мотоциклов. Сама могла разобраться с поломкой техники. И даже Ксюшкины ребята из техцентра иногда поражались, как ловко хрупкая девушка управляет с ключами и отвертками, когда дело доходит до ремонта мотоциклов. Ксюшка позволяла дочери приезжать в техцентр после учебы, раз уж это

все равно было в ее генах. И Кира с десяти лет регулярно пропадала в ремонтной зоне, помогая механикам в работе с техникой. Особенно Ксюшка запомнила первый раз, когда маленькая Кира заскучала в мамином кабинете и ушла путешествовать по офису. Когда же Ксюшка нашла дочь в мастерской, зрелище было эпическим. Школьная форма была напрочь испачкана моторным маслом, а поверх была сброшена куртка от спецовки кого-то из механиков. В руке девочка держала гаечный ключ.

– Кира? – удивленно спросила женщина. – Ты что тут делаешь?

– Мам, мам. Мы с мужиками этой колымаге отработку слили и сцепление поменяли. – Кира махнула рукой с ключом в сторону стоящего над ямой «Порше». – Петрович сказал, что оно крякнуло бы не сегодня завтра к Сявкиной коленке, и тарантас вместе с водилкой пошел бы по... Ой. – Девочка поспешно закрыла рот ладошкой, а механики отвернулись, пряча смех от начальницы. Где тогда спрятался от материнского гнева вечно поддатый Петрович, она так и не узнала.

Кира нашлась на кухне. В старой футболке с едва читаемым логотипом «ХардРокКафе», той самой, которую когда-то Стелс привез Ксюшке, и которую она не смогла оставить в прошлом, и коротких домашних шортиках, девушка нарезала бутерброды, попутно изображая из себя то гитариста, то вокалиста, то, вообще, ударника рок-группы. Женщи-

на, не разуваясь, прошла к музыкальному центру и выключила музыку. Тишина сразу резанула по ушам.

– Ты давно дома?

– Да только приехала. – Кира оторвалась от занятия и повернулась к маме. – Тебе чай сделать?

– Давай. И сама чай попьешь, спать ложись. Я тебя потом подниму.

– Чего так?

– В ночь выезжаем. Нам тысячу триста отмахать надо, так что отдохни.

– Это куда это ты решила ломануться? – удивилась девушка.

– Домой, Кира. Домой.

Рассвет. Всегда незабываемый и неповторимый. Особенно, когда слепящие лучи просыпающегося солнца скользят по легкой тонировке шлема, а спидометр показывает комфортные для нее сто пятнадцать. Меньше – нет желания, больше – нет необходимости. Да и старенький Дракон уже чувствует себя неуверенно на большей скорости. Впереди, метрах в трехстах, мелькает силуэт Киры. Небольшая, в сравнении с Драконом, «Хонда» только что резко перестроилась в левый ряд, обходя неторопливый «КАМАЗ». Как будто и не было за спиной восьми сотен километров по пустынной ночной трассе. Ксюшка только покачала головой, в который уже раз поражаясь мастерству дочери.

В первый раз разговор о мотоциклах у них зашел, когда девочке было восемь лет. Ксюшка до сих пор не могла понять, почему, но Кира просто-таки заболела мотокроссом, случайно увидев соревнования по телевизору. Что ребенок разглядел в облаках выхлопных газов и летящей из-под колес грязи, осталось загадкой. Но девочка очень долго приставала с этим к маме, то пересказывая взахлеб трансляции соревнований, то просто спрашивая, с какого возраста ей можно будет серьезно заняться спортом. Через три года Ксюшка сдалась и отвезла дочь в школу мотокросса, находившуюся недалеко от их дома. На девочку посмотрели и сказали: «Оставляйте, пусть попробует». Кире было одиннадцать. А в двенадцать она выиграла областные соревнования в своей возрастной группе, и Ксюшка поняла, что Кира нашла себя.

Дальше – больше. Победив к пятнадцати годам в первенстве страны, девушка решила брать новую высоту. Она, оставив мотокросс, увлеклась шоссейно-кольцевыми гонками. И Ксюшке стало по-настоящему страшно за дочь. Но легкость, с которой стройная, хрупкая девушка укрощала мощные гоночные мотоциклы, поражала даже ее инструкторов. А еще Ксюшка видела, как загорались глаза Киры на трассе. Как спокойная и не очень общительная в обычной жизни дочь за секунду преобразуется в бесстрашную гонщицу, едва увидит зеленый свет на стартовом светофоре. Как она заливиисто смеется после гонки. Ксюшка смирилась и не стала запрещать дочери опасное занятие. И неделю назад Кира вы-

играла свою первую серьезную шоссейно-кольцевую гонку. Привезла вечером простенький памятный кубок, поставила перед Ксюшкой и просто сказала:

– Это твое, мам. Без твоей поддержки я бы ничего не добилась. Спасибо, что разрешила мне гонять.

Поцеловала Ксюшку в щёку и ушла к себе. Такая же непробиваемо спокойная и даже будто чуть отстраненная, каким был когда – то Еж...

Ксюшка мотнула головой, отгоняя воспоминания, и посмотрела на небо. Солнце уже почти полностью вышло из-за горизонта, и усталость начинала брать свое. Они выехали из дома в районе десяти часов вечера и, миновав последние вечерние пробки, устремились вперед по стремительно пустеющей ночной трассе. Кира, казалось, готова была мчаться без остановки, но каждые два часа Ксюшка делала привалы. Просто размять затекающее в сидячем положении тело, попить воды или кофе, сходить в туалет, наконец. «Уже часов девять в дороге, наверно. – Подумала Ксюшка. – Еще минут двадцать, и надо вставать на отдых. Да и на трассе скоро станет тесновато».

Кира снова перестроилась, уходя вправо, и повисла на хвосте у автовоза, пережидая огороженный участок ремонта левой полосы, и Ксюшка немного увеличила скорость, нагнав мотоцикл дочери. Появилось смутное предчувствие чего-то нехорошего. Кира ехала слишком близко к длинномеру. И что-то в ее поведении Ксюшке очень не нравилось.

«Хонда» будто искала возможность обойти дальнобойщика, смещаясь на полосе то вправо, то влево, каждый раз, в последний момент, отказываясь от маневра. Ограждение на левой полосе закончилось, и девушка в очередной раз начала перестраиваться, чтобы вырваться на простор. Но неожиданно увела мотоцикл вправо, едва не упав, и резко прижавшись к обочине, затормозила. В то место, куда собиралась перестроиться юная мотоциклистка, с диким грохотом заваливался подскочивший на блоке ограждения, и потерявший управление длинномер. А впереди мигал аварийным сигналом виновник аварии. Серебристый седан протаранил сложенные вдоль обочины пластиковые блоки, один из которых и подвернулся под колесо тяжелого тягача. Ксюшка остановилась возле снявшей шлем и тяжело дышащей Киры.

– Ты цела? – первым делом спросила женщина.

– Там... – Девушка указала на перевернувшийся автовоз. – Парень... На байке... Он меня подрезал... Не дал перестроится... Я вправо... Тут этот... Я по тормозам... А парень прям под эту тушу... Он все, да?.. Того?..

– Так, успокойся, – Ксюшка заглушила двигатель и слезла с мотоцикла. – Сначала надо узнать, есть ли выжившие. Проверь легковушку.

Ксюшка за несколько секунд добежала до кабины тягача и через стекло заглянула внутрь. Водитель был жив и даже

относительно цел. Посекло немного разбившимся стеклом. Женщина помогла ему выбраться и, набирая на ходу единый номер экстренных служб, обошла прицеп в поисках следов мотоциклиста. Кира не имела привычки врать, тем более в такой ситуации. Никаких следов не нашлось, и она отправилась к мотоциклам, возле которых нервно металась девушка.

– Что там? – Ксюшка кивнула на седан.

– Жив, – ответила Кира. – Но его в салоне зажало чем-то, не вытащить. А там? Ты его нашла? Он там?

– Кто он?

– Парень...

– Объясни, пожалуйста, что ты видела. – Ксюшка подошла к девушке и посмотрела ей в глаза.

– Парень, молодой, лет двадцать пять, наверно. Без шлема. И косуха вся в шипах... – Ксюшка вздрогнула от услышанного, но Кира смотрела в сторону автовоза и не заметила, как изменился взгляд ее мамы. – Он ко мне сразу, как ремонт начался, прицепился. Я хотела фуру обойти, а он не пускал. Я еще подумала, как он на таком старье быстрее меня маневрирует...

– На каком?

– Да не знаю... «Урал», вроде... Приметный такой, еще ежик на баке нарисован.

Ксюшка почувствовала, как ее сердце пропустило удар, а в глазах потемнело.

– Потом смотрю, отстал, – продолжила рассказ девушка. –

Я влево на обгон пошла. А тут опять он, чуть не снес меня... Я отвернула, а он... вместо меня... под этого... Мам. Пойдем, еще раз посмотрим. Вдруг он жив...

– Нет, Кира... – Женщина с трудом подбирала слова. – Никого мы там не найдем. Ты меня сейчас послушай, пожалуйста, только очень внимательно. Я за тобой следом шла. Не было возле тебя никого.

– Как?! – Кира ошарашено уставилась на свою маму.

– Вот так... Ты мне сейчас очень точно своего папу описала...

Оставшийся путь они преодолели без происшествий. Ксюшка решила пожертвовать временем и, строго наказав дочери держаться рядом, дальше ехала не больше восьмидесяти, и только в правом ряду. Кира не протестовала. Было видно, что девушка не в полной мере оправилась от пережитого. Весь день они провели в придорожном мотеле, восстанавливая силы, и к месту назначения добрались только ранним утром.

Ксюшка ехала по просыпающемуся городу не торопясь. Память уверенно подсказывала нужные повороты, но вот глаза... Глаза отказывались узнавать родной город. Центральная улица, когда-то напрочь разбитая, теперь была почти идеальной дорогой в три полосы, с ограждениями, освещением, и каким-то запредельным количеством светофоров. Поворот. Здесь, в старом пятиэтажном доме, в цокольном

этаже, должен был быть «Обсидиан». Нет. Вместо утопающих в зелени домиков стояли три новеньких высотки. Женщина прижалась к бордюру, остановилась и сняла шлем.

– Мам, что случилось? – Кира остановилась чуть впереди.

– Тут когда-то магазинчик один был... «Обсидиан»...

Зайти хотела. Ладно, поехали дальше.

Кира пожала плечами и снова завела только заглушенный двигатель. А Ксюшка продолжала удивляться произошедшим с городом изменениям. Поворот направо, три перекрестка по прямой, налево... Тут должен был стоять дом Ежа. Тот самый, в подъезде которого они познакомились... И опять новостройки. Одну вон еще возводят. Женщина набрала скорость, предчувствуя нехорошее.

Ее дом стоял. А вот соседних уже не было. И уютного дворика, к которому она привыкла, в котором выросла... Его тоже не было. Огороженная стройплощадка и множество припаркованных машин. Ксюшка проскользнула мимо разномастных легковушек и, заехав чуть ли не в подъезд, остановилась. Рядом припарковалась Кира.

– Мам, а тут что?

– Тут я все детство провела, Солнце. Мой дом. – Женщина усилием воли остановила набежавшие слезы. – Подожди. Дай осмотреться. Так все изменилось...

Ксюшка рассматривала огороженный, разоренный строителями двор, и не могла понять, как такое могло получиться. Она столько раз за эти годы порывалась вернуться. Столько

раз была готова все бросить. Но боялась. Боялась, что вернувшись, она снова погрузится в ту бездну воспоминаний, из которой с таким трудом однажды вырвалась.

К ней приезжали, не часто, но все же... И родители, и Кобра со Стелсом, и ребята из стаи. Она всегда была им рада. Но на все предложения приехать самой отвечала неизменным отказом. Теперь выходит, что зря? Зря не приехала на все же состоявшуюся свадьбу Лисы и Вампира? Зря не приехала проститься с Васькиной мамой, чудесной и доброй женщиной, два года назад. Зря ни разу не приехала на могилу того, кого считала единственным мужчиной в своей жизни? Ни разу за все эти долгие семнадцать лет не приехала, и каждый день себя за это корила... Боялась призраков прошлого. Ксюшка ощутила непривычное для себя чувство смятения.

Ничего почти не осталось от того прошлого, от которого она бежала. Ни домов, ни улиц, ни людей... Призраки оказались недолговечны. Или просто она слишком сильно в них верила?

– Какие люди-то? И даже без охраны?

Ксюшка повернулась на голос, и удивленно подняла брови. В нескольких шагах от нее, возле достаточно дорогого даже по столичным меркам БМВ стояла неброско, но стильно одетая, чуть полноватая, и очень знакомая женщина.

– Настя?

– Ксюха, – радостно отозвалась та. – Узнала? А я сижу в машине, думаю, ты или не ты? Выглядишь-то как хоро-

шо. Пряма и не изменилась. Как ты? Сколько лет-то не виделись... Ой, а это кто с тобой?

– Кира. – Ксюшка чувствовала себя крайне удивленной. Увидеть бывшую подругу такой она явно не ожидала.

– Тоже мотоциклистка? – с улыбкой спросила Настя

– Тоже, – отозвалась сзади Кира. – А вы кто?

– Кира, это Настя. Моя одноклассница. А это моя дочь, Кира.

– Вы не сильно торопитесь? Хотя парой слов бы перекинуться. Боже, Ксюха, я так по тебе соскучилась... Ты куда так неожиданно пропала?

– Уезжала. – Ксюшке не очень хотелось откровенничать с бывшей подругой.

Но, все же, что-то в Насте изменилось за эти годы. Сейчас перед ней стояла не хулиганистая девчонка, а вполне состоявшаяся деловая женщина.

– Мужика, небось, нашла богатого. – Настя взяла Ксюшку под руку, и повела в сторону чудом уцелевшей лавочки. – А я, вот, все тут... В строительной конторе тружусь. Родной двор, вот, перестраиваем по моему проекту.

– Так вы дизайнер? – решила уточнить Кира.

– Нет. Я архитектор. Дизайнеры сюда после стройки сбегутся, мои труды портить. Ксюх, ну а ты-то как?

– Да тоже ничего. Машинки ремонтирую. – Неопределенно ответила Ксюшка.

– Сама?

– Не, – улыбнулась женщина. – Я сама не умею. Фирма у меня.

– Серьезно. А муж чем занят?

– Да я как-то не замужем...

– Папа погиб, – уточнила Кира, и Настя сразу погрузилась.

– Прости, Ксюх, я не знала. Я думала ты с мужем уехала.

Это тот байкер?

– Да. – Ксюшка пристально посмотрела на бывшую подружку. – Но ничего, я уже с этой мыслью свыклась за семнадцать лет.

– Я тоже не замужем. Вернее, в разводе. – Настя присела рядом на лавочку. – Антон меня бросил, я за Мишку замуж вышла. А через год поняла, как ты была права. Он таким говнюком оказался... Даже вспоминать не хочу. Хорошо, что развелась и родить от него не успела. Где Антон, я не знаю, а Мишка спился вконец. Вот так... Ты уж прости меня, Ксюх. Я дурой была... – Она посмотрела на часы и достала из сумочки блокнот с ручкой. – Все, девчонки, мне бежать пора. Я понимаю, что вы недолго у нас пробудете, но если будет желание, звоните. Я буду очень рада посидеть где-нибудь, поболтать. Все. Целую ручки.

Настя протянула Ксюшке листок с номером телефона. И уехала.

– Мам, а это что за барышня была?

– Настя. – Ксюшка все еще смотрела вслед уехавшей машине, пытаясь осмыслить произошедшие за время ее отсут-

ствия перемены.

– Та, с которой ты на выпускном подралась?

– Ага.

– Мне показалось, или она хочет с тобой помириться?

– А ты когда такой взрослой стала? Сентенции тут философские заворачивает...

Кира только улыбнулась в ответ и встала с лавочки.

– Ладно, побуду еще маленькой. Но ты меня тогда спать уложи и колыбельную спой. Устала я, если честно.

Ксюшка поднялась с лавочки и повела дочь к такому родному, но уже порядком забытому подъезду.

Ксюшка стояла возле входной двери и, не отрываясь, смотрела на дверной звонок. На маленький черный кружок кнопки, отделявший ее от дома. Ее настоящего, родного, единственного во всем мире дома. Да, она построила дом, в котором живет. Не своими руками, но разве это что-то меняет? Тот двухэтажный дом был не ее. Это был дом Киры. А Ксюшкин дом был здесь, и только сейчас она это поняла. Только замерев в шаге от входной двери, когда сердце стучит все быстрее, заглушая гулками ударами все другие звуки, женщина поняла, как сильно ей не хватало этого места. У Ксюшки, которую ее механики за глаза называли «железной леди», не осталось сил на контроль эмоций. Как и не хватало сил поднять руку и нажать на кнопку.

На плечо легла рука. Как тогда, на кладбище, у могилы

ее дяди. Простой жест, разрывающий гнетущее чувство одиночества. Только рука другая, тоньше, легче... И не обернуться, не уткнуться в грудь, заливаясь слезами... Нужно быть сильной, а это так надоело. Так хочется хоть на минуту стать слабой маленькой девочкой, смотрящей на мир из-за крепкой и надежной спины... Трель звонка остановила поток мыслей. Кира устала ждать и сама нажала кнопку. Ксюшка благодарно улыбнулась дочери. Спокойной, уверенной, так внезапно повзрослевшей дочери. Так похожей на Ежика... Тихие, шаркающие шаги за дверью... «Только бы не зареветь...»

– Кто? – Ответил из-за двери мужской голос. Папа...

Такой простой вопрос, вот только что на него ответить? Родители не приезжали к ним уже лет пять. У папы начались проблемы со здоровьем, и он уже не мог просто так уехать. А мама... Мама никогда бы не оставила его одного больше, чем на день. Ксюшка предложила переехать к ней, но папа отказался. Так и сказал: «Мое место здесь. Да и стар я уже для перемен». Так и сошлись на телефонном общении пару раз в месяц... И опять спасла Кира.

– Две мотоциклистки, которые очень с дороги устали, спать хотят. Пустите, пожалуйста.

– Какие еще мотоцикли?... Ксюша?... Кира?... Боже...

– Привет, пап. – «Что же голос так дрожит»... – Мы это...

– Да заходите уже. – Иван посторонился, и Ксюшка неуверенно прошла в квартиру. – Машуля, ставь чайник. У нас

такие гости на пороге.

Ничего не изменилось. Та же мебель, те же обои, та же маленькая люстрочка. Вот только шестнадцатилетней красоткой, смотрящей из зеркала, была уже не она, а удивленно осматривающаяся за ее спиной Кира. Ксюшка подошла к зеркалу и провела нервно подрагивающей ладонью по старой деревянной оправе. Семнадцать лет... Этот дом ждал ее семнадцать лет. Молча и терпеливо.

– Какие еще гости? – Судя по голосу, мама была удивлена.

– Мы, мама. – «Да что же с голосом? Почему дрожит?»

– Вернулась...

Ксюшка обняла Машу и все-таки расплакалась. И только краешек сознания отметил, как папа тихо подтолкнул Киру к кухне.

– Пойдем, малышка, чай делать. Пусть поплачут.

Только через десять минут, уже успокоив разгулявшиеся эмоции, Ксюшка вошла на кухню. И теперь, неспешно потягивая ароматный мамин чай, она внимательно разглядывала родителей. Сильно постаревших с их последней встречи. Нет, папа по-прежнему был все того же крепкого телосложения, но уже не выделялся своей осанкой. Как-то сгорбился, потускнел, уже не излучая той непоколебимой уверенности в собственных силах. Да и мама, всегда молодая и красивая мама, уже не скрывала седины и тонкой паутины морщинок вокруг глаз. А еще Ксюшка нигде не находила глазами сигарет. А представить папу без сигарет она не могла.

– Папуль, ты курить, что ли бросил? Что-то я нигде сигарет не вижу.

– Бросил, Ксюнь. – Иван улыбнулся. – Врачи после инфаркта запретили.

– Какого инфаркта?

– А мама тебе не сказала? В прошлом году шандарахнуло. Я думал, ты в курсе.

– Я решила не расстраивать. Зачем ей дергаться лишний раз. – Маша подлила Ксюшке свежий чай. – Вы чего примчались то?

– Соскучились. Да еще Кобра позвонила... Пап, что с ней случилось?

– Давай вечером. Вам отдохнуть нужно. Кира, вон, уже носом в кружку нырнет.

Кира и вправду сидела за столом, подперев голову и прикрыв глаза. Все же такая поездка не прошла для девушки бесследно. Ксюшка, глядя на дочь, вспомнила себя. Как она сама засыпала на ходу, когда только приехала на съемную квартиру в Подмосковье. А ведь была старше...

– Я вам диван в твоей комнате разберу. Кира, рыбка. Пойдем, поможешь мне.

Ксюшка проводила дочь взглядом и снова задумалась. Совершенно не так она представляла свое возвращение. Особенно в первые месяцы, когда оставалась одна в пустой квартире, и только шевеления и толчки в животе не давали ей забыть, ради кого она решилась на эти радикальные перемены.

А потом появилась Кира. Маленькая, беспомощная...

Ксюшка рано вышла из декрета. Подвернулся хороший вариант с работой. После нескольких не самых удачных попыток, поработав пару месяцев кассиром в супермаркете, она однажды обнаружила на электронной почте ответ на размещенное резюме от довольно крупной компании. С более чем солидной зарплатой за не самые сложные обязанности. Название компании тогда показалось ей знакомым, и появились подозрения, что тут не обошлось без вмешательства Кобры или Стелса, но она решила считать, что ей просто повезло. Годовалую дочку пришлось перепоручить соседке, так же сидящей дома с двухгодовалым сыном. Это, пожалуй, был единственный человек, с которым Ксюшка общалась вне работы, пока эта семья не съехала, купив квартиру в самой Москве. Потом ясли, садик, школа... Кира рано привыкла сама о себе заботиться, была вполне самостоятельной, но, тем не менее, Ксюшка очень удивилась, когда утром дочь начала рассуждать, как вполне взрослая женщина. «Как все-таки рано она повзрослела, – подумала Ксюшка. – Слишком рано...»

– Ксюнь, – Иван вырвал дочь из размышлений. – А что тебе Рита по телефону сказала.

– Что, кроме меня, помочь некому. Бросайте все, сказала, и приезжайте.

– Понятно. – Иван улыбнулся, но как-то вымученно. – Боится Кобра. Видишь ли, Стелс сейчас в командировке.

Там аврал какой-то, вырваться не сможет. А у Ритульки небольшая проблемка со здоровьем.

– То есть?

– Сама у нее спросишь. Завтра. А сейчас иди-ка ты тоже спать. Лица на тебе нет.

– Пап... Прости, что я тогда так сорвалась и уехала.

– Не извиняйся, Ксюнь. Ты все сделала правильно. Нам, конечно, было тяжело без тебя. Тяжело было думать, что ты не вернешься... – Иван помолчал, и решил не продолжать свою мысль. – Я горжусь тобой, дочь. Все, топай спать. Потом поговорим.

Ксюшка встала из-за стола и поняла, что упасть лицом в подушку – это все, на что остались силы.

Она стояла на берегу реки. Той самой, с песчаной отмелью и завораживающим лесом на противоположном берегу. Только сейчас она смотрела не на лес. Все равно тот невидимый полководец, который выстроил этих деревянных богатырей, никогда не отдаст им приказа на штурм. Он привык к тому, что есть. И будет это защищать. А новое... Чтобы захотеть нового, нужно потерять старое. Чтобы из всех богатств остались только отчаяние и злость. Только желание идти и добиваться... Как у нее когда-то отобрали все. Заставив идти вперед... Не чтобы жить, а чтобы дать жизнь и сохранить ее... А у этого генерала никто ничего не отбирает. Он спокоен и безмятежен в своих владениях. И для него ре-

ка, даже такая узкая, как эта, просто граница. Черта. Предел возможного.

Она смотрела на воду. На неспешное, но неумолимое течение, уносящее прочь само время. Смывающее пот и кровь, боль потерь и радость от случающихся, все же, чудес. И не случайно именно к этой реке она пришла простаться с прошлым. Чтобы смыла, чтобы позволила смотреть вперед. Чтобы, встретив ее, запутавшуюся в собственном отчаянии, принять, и вернуть сильной. Свободной от всего. Способной брать новые вершины.

– Ты тоже поняла, в чем волшебство этой Лагуны?

Этот голос. Она узнала его сразу, хоть и не слышала долгих семнадцать лет. Но не испугалась, как в прошлый раз. Сейчас она его ждала. Знала, что он придет.

– В воде...

– Да. Лес стоит, и потому он лишь иллюзия жизни. Он дает приют, возможность находиться в нем. Но сам он не живой... Просто деревья... Зато он прекрасно отвлекает внимание от маленькой, текущей в его тени речки. Которая и есть жизнь... Банально, конечно, но что поделать... Я знал, что ты вернешься.

Она повернулась. Он стоял в двух шагах и улыбался. По-прежнему молодой, невозможно красивый, как будто сияющий изнутри. Еж. Ксюшка улыбнулась в ответ.

– Как же я по тебе соскучилась...

– Я тоже... Еще не время, Рыська. Но я буду рядом, когда

оно придет.

– Я знаю. Спасибо, что помог Кире...

– Не стоит. Надеюсь, она не сильно испугалась?

– Узнав, что ее спас призрак? – Ксюшка опять повернулась к реке. – Как ни странно, нет. Быстро пришла в себя. Она вообще очень на тебя похожа.

– Мне пора, Рыська.

– До встречи, любимый...

Опять одна. Опять жить ожиданием чуда... Опять рвать зубами и когтями всех и вся ради того, чтобы забыть, что и самой тоже больно. Не так, как вначале, но все равно. Душа все равно рвется к нему. И плевать, что его давно уже нет.

Женщина развернулась и сделала несколько неуверенных шагов прочь от берега. Все-таки, зря пыталась убежать. Память осталась в ней самой, а не в памятных, как ей казалось, местах. Память в том, чтобы семнадцать лет засыпать и просыпаться, чувствуя, как не хватает дыхания над ухом. Даже если просыпаешься не одна. Чувствовать, как сердце сжимается всякий раз, как мимо проносится мотоцикл. А вдруг? Наливать по привычке две чашки чая, зная, что пить его все равно одной... А в первое время было и такое. Память – это дьявол, который живет в деталях. В тех мелочах, которые мы привыкаем делать вместе, не только пить чай. И которые уже невозможно делать в одиночку. Память – это дьявол, который заставляет раз за разом пытаться возродить того, кто давно, безнадежно, безвозвратно мертв. Вернуть хотя

бы в мыслях... Или снах. Вернуть, чтобы подарить еще одну улыбку, еще одно слово... Еще один короткий удар своего сердца... То, что не смогли дать, пока была возможность...

Ксюшка открыла глаза. За окном уже опускался вечер, а рядом безмятежно посапывала свернувшаяся в клубочек Кира. Женщина выбралась из-под одеяла, стараясь не разбудить дочь, и тихонько вышла из комнаты. Рука привычным, хоть и давно забытым, жестом нащупала лежащий в прихожей телефон. Надо, все же, позвонить Кобре. Узнать, что случилось с неисправимой оптимисткой.

Она остановила мотоцикл возле очередной новой высоты. По крайней мере, навигатор, укрепленный на приборной панели, утверждал, что ей именно в этот дом. А раньше на этом месте был пустырь... Она поймала себя на мысли, что скучает по тому невысокому, утопающему летом в зелени городку, из которого она уезжала. Не хватало ей тех маленьких и уютных двориков, в которых прошло ее детство, тех тихих улиц, по которым гуляла с друзьями. И так странно было видеть на их месте взметнувшиеся ввысь многоквартирные башни. Город рос, город менял свое лицо, становясь из привычной глухой провинции все больше похожим на залитый неоновым светом мегаполис. И это новое лицо родного города ей не нравилось.

Она заглушила двигатель и, сняв шлем, привычным жестом поправила распущенные волосы, которые тут же разме-

тались по плечам светло-русый водопад. Теперь полагалось убрать шлем в левый подсумок. Так требовал сложившийся за долгие годы ритуал. Но женщина не спешила, рассматривая в свете заходящего солнца нарисованного на шлеме скорпиона. Шлем был достаточно стар, хоть и выглядел вполне современно. Он давно уже не отвечал тем требованиям, которые предъявляются сейчас к средствам защиты, но она никогда не поменяет его на другой. Только в нем она чувствует себя в настоящей безопасности.

Достав из нагрудного кармана коммуникатор, Ксюшка набрала знакомый, казалось, всю жизнь, номер. Уточнила, какой ей нужен этаж, и, оставив Дракона под окнами, направилась к подъезду. Унося шлем в руках. Когда переступаешь через запреты, созданные когда-то самой собой, о каких традициях можно вспоминать. А именно так она себя и чувствовала, едва решилась на эту поездку к прошлому. Которого, как оказалось, уже нет. Осталось только настоящее. Такое, какое есть. В котором нужно каждый день делать вид, что все хорошо, а по утрам в собственном отражении искать взглядом новые морщинки. И тихо радоваться, если их не прибавилось.

Ксюшка тряхнула головой, отгоняя непрошенные мысли, и вышла из лифта на последнем, семнадцатом этаже. «Высоко Ритка забралась», – подумала она, ища глазами нужную квартиру. Разговор с Коброй по телефону ничего не дал. Рита наотрез отказалась что-либо объяснять по телефону,

просто требуя немедленно приехать лично. Стоило только Ксюшке сказать, что она вернулась. А раз спать ей все равно уже не хотелось, Рысь решила не откладывать визит на завтра. Кобру она тоже не видела года два. С их последнего со Стелсом визита, когда они устроили в доме Ксюшки трехдневный привал по пути на море. Да и разыгравшееся любопытство не давало ей покоя.

Но когда Кобра открыла дверь, Ксюшка потеряла дар речи. Растрепанная, немного отекая, совершенно без косметики, старая подруга выглядела очень необычно. Никакой кожаной одежды, никаких, так ею любимых каблуков. А еще, судя по пробивающейся, пока еще едва заметной, седине, волосы тоже давно не подкрашивались. Фигура Кобры была по-прежнему великолепна, с учетом ее возраста, но Ксюшку удивило не это. Большой, уверенно выпирающий наружу на фоне стройной фигурки, живот, который Рита легонько поглаживала правой рукой, как будто пытаясь кого-то успокоить...

– Рысь, ты все-таки приехала... Я уж думала, все, одна к эскулапам поеду.

– Рита... Это что? – Ксюшка кивнула на живот. – Это как?

– Это чудо, Ксюха. Иначе и не скажешь. Да ты проходи, я чайник уже поставила, тортик есть...

– Тортик – это интересно. – Ксюшка прошла в небольшую просторную квартиру-студию и уверенно направилась к очень похожей на барную стойке, отделяющей кухню от

остального пространства. – Симпатично обставились.

– Ага, круто получилось. Минимализм в сочетании с антуражем пивного подвала. Чуть не развелись, пока жилище облагораживали. С Костиком, сама знаешь, спорить сложно. А он порой такую ересь несет... Тебе чай?

– Лучше кофе. – Ксюшка уселась за стойкой. – Рассказывай, зачем так хитро вызывала.

– Ты меня извини, что приврала. – Кобра поставила перед Ксюшкой маленькую чашечку ароматного кофе и села напротив. – Я тебе вообще хотела сказать уже после родов. Я понимаю, тебе тяжело было приехать, сестренка. Но Костю в командировку на месяц отправили, а я ... – Рита опустила глаза. Щеки, к бесконечному удивлению Ксюшки, густо покраснели. – Рысь, я боюсь. Жутко. Меня в любой момент прижать может. А эти эскулапы чертовы даже не решили еще, сама я рожать буду, или кесарить... Побудь со мной...

– На родах? – Ксюшка поперхнулась кофе от такой просьбы.

– Ну да... За руку меня поддержишь...

– Рита, ты как себе это представляешь?

– В красках, твою мать. Рысь, сама подумай, мне уже сорок восемь... Гинеколог говорит, что ребенок здоровый, а вот я могу не выдержать... Стелс меня вообще пузырем суицидальным зовет... Муж хренов... Я очень боюсь... До икоты. Ксюш, пожалуйста, побудь со мной там.

– Хорошо. Подержу тебя за ручку. Не бросать же беременную женщину. Только ты расскажи, как тебя угораздило? Ты же...

– Да я тоже так думала. – Кобра расплылась в радостной улыбке. – А оно видишь как... На старости-то лет... А уж как Костик охренел, когда я ему сказала. Неделю со мной не разговаривал, думал, что я над ним издеваюсь.

Ксюшка попыталась представить обиженного на весь белый свет Стелса, но не смогла. Как-то не верилось, что всегда добрый и жизнерадостный дядя Костя может ходить, надув губы. Похоже, за прошедшие годы поменялся не только город, но и люди, живущие в нем.

– Действительно, чудо. Кого ждете?

– Мальчика... – Рита подняла глаза и с полминуты пристально смотрела на Ксюшку, как будто не решаясь что-то сказать. – Васькой решили назвать.

Разошлись они в тот день глубоко за полночь, обстоятельно обсудив все возможные темы. И судьбу «Обсидиана», который, в результате целой эпопеи переехал из уютного подвального в один из павильонов новенького торгового центра. Кобра, как всегда, грубо высказалась о стоимости аренды этого павильона, но Ксюшка прекрасно знала, что ее подруга скорее будет голодать, чем закроет любимый магазинчик.

И старину Арчи, ученики которого, обычные дворовые мальчишки из не очень благополучных семей, два года назад

с триумфом вернулись с мировых соревнований, и теперь в его школе нет отбоя от желающих тренироваться. Сам Вадик ушел с работы и полностью посвятил себя тренерскому делу. Детей он по-прежнему учил бесплатно, а вот взрослым теперь приходится раскошелиться. Но Ксюшка была абсолютно уверена, что вряд ли кто-то жалеет деньги после первых трех месяцев тренировок. Да и ей самой навыки, полученные под чутким руководством отставного офицера,годились столько раз, что и со счета давно сбилась.

И Лису с Вампиром, который, при всей его врожденной скромности, оказался фанатичным семьянином. Поняв после десяти лет работы, что никогда не сможет стать хорошим юристом, парень плюнул на всех и поступил в педагогический. И стал учителем истории. Хотя сам Вампир, во время их последнего приезда к Ксюшке, признался, что никогда бы не рискнул менять свою жизнь, если бы не поддержка Алисы. Теперь ребята жили в Петербурге, где Лисе было проще готовиться к выставкам и продавать картины, растили трех ребятешек и, похоже, были счастливы.

А уже в восемь утра Ксюшка была в приемном покое родильного отделения. Дальше ее никто, само собой, не пропустил, несмотря ни на какие уговоры. Доводить до вызова охраны Рысь не стала и теперь наматывала бесконечные круги в ожидании окончания родов. Кира, которая проспала весь предыдущий день и половину ночи и напросившаяся с мамой, сидела в уголке и, излучая ледяное спокойствие, в

пятый раз перечитывала рекламный проспект с подгузниками.

– Мам. – Кира отложила журнал, и поднялась. – Я вниз схожу, посмотрю чего-нибудь почавкать и почитать. Тебе принести?

– Кофе. А из еды, сама смотри.

Кира ушла, а Ксюшка упала на стул и взяла в руки журнал. Но, пролистав пару страниц, кинула его обратно на столик и откинулась на спинку, прикрыв глаза. Странная все же штука, жизнь. Она сейчас нервничала едва ли не сильнее, чем когда рожала сама. Тогда Ксюшка не стала звонить ни родителям, ни Кобре. Одна поехала в роддом заранее, не доводя дело до экстренных родов. А вернулась через неделю, с маленькой Кирой в руках, на вызванном к больнице такси. В маленькую съемную квартирку. И до этого дня вполне гордилась тем, что никто не метался под дверью приемного покоя, не терзался бесконечным ожиданием. А теперь сомневалась, правильно ли тогда поступила, когда никому не сказала, что ложится в больницу.

Из мыслей ее вырвал очень знакомый, но совершенно не ожидаемый сейчас голос.

– Нервничаешь? – Иван сел на соседний стул, и Ксюшка тут же прижалась к его все еще крепкому плечу. – А этот обормот все пропустил...

– Ты про Стелса?

– А то про кого. Он же со мной был, когда Машулька ро-

жала. Я вот так же метался, правда, по улице. Ты старый роддом не помнишь, тебе года три было, когда его снесли. А Костик меня все подкалывал, чего, мол, так нервничать, родит, ничего страшного. Я ему тогда отомстить обещал, над ним поиздеваться, когда местами поменяемся.

– А ты чего приехал-то?

– Чтобы я такое событие пропустил? Не... Пусть Стелсу потом стыдно будет. А если серьезно, не женское это дело, тут сидеть и изводиться. Это дело мужчин. Вот и приехал тебя поддержать.

– Спасибо, папа. – Ксюшка с минуту помолчала. – Никогда не думала, что буду сидеть под дверью родильного отделения.

– А я уже не надеялся, что у этого оболтуса будет ребенок. В пятьдесят четыре-то года.

– Знаешь, Еж когда-то сказал, что дети, это наш билет в бессмертие... По-моему, дядя Костя с Риткой заслужили свой билет. И этого ребенка тоже заслужили...

– Ребенка мало заслужить, его еще воспитать нужно человеком. Хотя, я думаю, они справятся... Главное, чтобы сейчас все хорошо было.

– Будет. О, кофе несут.

В двери, ведущей к лифту, появилась Кира, несущая пакет с булочками и два стаканчика. Ксюшка приняла обжигающий напиток и приготовилась к томительному ожиданию.

Результатов они дождались только к вечеру, когда Кира успела прочесть половину бульварного детектива, а Ксюшку мутило от выпитого кофе. К ним вышел уставший акушер и сказал, что роды затянулись, но ни матери, ни ребенку уже ничего не угрожает, и Рысь вздохнула с облегчением. Оставалось обрадовать новоиспеченного папашу, но у Стелса не отвечал телефон. В палату к Кобре ее тоже не пустили, сказав, что роженица устала и ей нужен покой, да и вообще не положено. «Вы что, женщина, сами не рожали?», – «Я не так рожала», – огрызнулась Ксюшка и уже, было, собралась брать отделение штурмом, но врач только махнул рукой: «Да все рожают одинаково». Кира едва сдержала смех, а Ксюшка предпочла не нагнетать обстановку и, поблагодарив акушера, почти бегом спустилась вниз, на ходу набирая Риту по телефону.

– Ритка, ну ты там как? – спросила она, едва перестала слышать гудки.

– А то ты, блин, не знаешь. – Судя по голосу, Кобра была вымотана дальше некуда. – Не резали, сама справилась. Лежу теперь на пузе. Релаксирую...

– Ну, ты давай там, держись... Мамашка. Извини, что за ручку подержать не удалось, не пустили меня. Звони, если что. А мы завтра заедем, воды привезем.

– Воды, это хорошо... Все, Рысь, пока. Спать хочу, сил нет.

Ксюшка убрала замолчавший коммуникатор и вышла на

улицу. Несмотря на вечер, солнце было еще высоко, да и погода располагала к тому, чтобы исполнить одну давнюю, почти запретную мечту.

– Пап, ты не против, я внучку украду на пару часов? – спросила она у вышедшего следом Ивана.

– А чего ты спрашиваешь? Твоя дочь. Только не задерживайтесь. Маша там уже праздничный ужин накрывает.

– Хорошо, мы не долго. Заводись, Кира, поехали.

Девушка меланхолично пожалала плечами, и оседлала свою «Хонду». Она, по всей видимости, решила просто не реагировать на порывистое поведение обычно очень сдержанной мамы, то ли уважая ее право на воспоминания, то ли просто откладывая все вопросы на потом. И потому Кира молча ехала за Ксюшкой, что называется, след в след, пока мотоциклы не остановились возле шлагбаума, перекрывающего въезд в элитный, по местным меркам, коттеджный поселок на берегу узкой, но живописной речки. Ксюшка сняла шлем и пару минут непонимающе водила взглядом из стороны в сторону. Память упрямо твердила, что Волшебная Лагуна должна быть именно здесь. Вон, и деревня в километре отсюда. И лес на противоположном берегу. Глаза же просто отказывались верить в то, что видят. Лагуны больше не было. Ее застроили, причем уже давно. Но кто? Кто посмел так испоганить это волшебное место? И почему ей никто об этом не сказал? Мысль позвонить Рите она отмела сразу, Кобре действительно нужен был отдых. Да и спросить можно поз-

же. Рысь уже собралась было надеть шлем, но ее остановил грубый мужской голос.

– Але, шпана. Че тут забыли? Не про вас тут домики, побирушки.

Ксюшка обернулась. Возле модного, но не очень дорогого внедорожника стоял неприлично упитанный мужчина лет сорока.

– Ты это сейчас кому? – Ксюшка поставила Дракона на подножку, краем глаза заметив, что Кира делает то же самое, и подошла к мужчине на расстояние пары шагов.

– Да тебе. Какого хрена тут третесь?

– А скажи-ка, добрый человек, – неожиданно для мужчины спросила Ксюшка, – давно тут эти курятники стоят?

– Ну ни хрена... – Мужчина удивленно рассмеялся. – Да ты хоть знаешь, сколько тут дома стоят, нищевродка?

– Дядь. – Рысь подошла еще на шаг ближе. Сами собой сжались кулаки. – Ты по виду-то не суди. Тем более, если не разбираешься. У моей дочери байк втрое дороже твоей инвалидки. Я же молчу. И тебя в этот факт носом не тыкаю. А ты все оскорбить пытаешься. Я тебя ласково спросила, давно тут сараи понастроили?

– Да года три... – Толстяк громко икнул и сделал несколько мелких шагов назад. – Ты это... Ты давай... того... Я сейчас охрану позову.

– Тьфу ты... – Ксюшка в сердцах сплюнула, и повернулась вполоборота к дочери. – Вот что за мужики пошли. Как ма-

том орать, так первый, а как до дела, так «охрану позову». Жену любить тоже охрану зовешь? – Она подошла к опешившему от такого напора мужчине и хлопнула его по выпирающему животу. – Ты бы похудел, а то девки смотреть не будут. Забыл, поди, как выглядит то, откуда писать нужно. Поехали, Кира, отсюда. Нет больше нашей лагуны. Последнюю святыню запоганили, нувориши хреновы.

Ксюшка резким движением надела шлем и, лихо крутанув тяжелый мотоцикл на месте, вложила всю злость в ручку акселератора. И скинула скорость только на подъезде к городу. Злость отступила, оставив в душе только чувство досады. На тех, кто так и не сумел разглядеть красоты чудесного места и застроил его коттеджами. На себя, за то, что слишком долго позволяла своим страхам брать верх. Слишком долго запрещала себе даже думать о возвращении. И, в итоге, слишком многое потеряла. Ксюшка резким маневром приняла к обочине и остановилась.

Напротив, только перейти дорогу, стоял простенький крест, сваренный из двух тонких металлических трубок. С примотанным к нему выцветшим венком из искусственных цветов. Чуть впереди остановилась Кира и, обернувшись, вопросительно кивнула: «Почему остановились?» Ксюшка заглушила двигатель, перешла дорогу, на ходу снимая шлем, и опустилась на траву рядом с крестом. Простенький символ, в память о тех, кого забрала дорога. Семнадцать лет этот крест стоит на этом месте, а она так и не нашла ответ на самый

важный вопрос, почему? Кто решил так, что молодой детский врач, способный спасти не одну сотню маленьких жизней, должен был уйти из этого мира, а разжиревший хам в модном кроссовере, кичащийся своим богатством, остался?

Когда-то, лежа в почти могильной тишине пустой квартиры и слушая, как беснуется за окном метель, она тоже задавала себе этот вопрос. Но так и не смогла на него ответить. Потом у нее родилась дочь, и этот вопрос отступил на дальний план. Нужно было забыть про все и всех, чтобы вырвать у судьбы достойное будущее. Просидев чуть больше полугода на очень небольшом пособии, Ксюшка начала искать работу. Не столько ради денег, сколько из желания забыться. И достаточно быстро нашла. Денег стало хватать и на жилье, и на еду, и на мелкие расходы. И даже приплачивать немного соседке, которая сидела с малышкой. Но она ни разу даже не подумала о том, чтобы кого-либо унижить своим достатком. Даже когда денег стало больше, чем достаточно, Рысь предпочитала тихую благотворительность громким словам.

Мало кто даже среди ее знакомых знали, что часть прибыли от своих салонов и мастерских Ксюшка переводит в больницы. Хоть как-то пытаюсь поддержать молодых врачей, особенно работающих с детьми. Потому, что сама очень хорошо знала, как непросто им приходится. Это была ее тайна, о которой знала, пожалуй, только Кира, ну и главный бухгалтер с юристом, само собой.

При этом Ксюшка не прекращала учиться. Окончила ин-

ститут с красным дипломом и с завидной регулярностью проходила курсы повышения квалификации. Тоже ведь повод для гордости.

Рядом опустилась Кира и, взяв ее руку, крепко сжала в своих ладошках.

– Здесь папа погиб?

– Да.

Кира перевела взгляд на крест и больше ни о чем не спрашивала. Просто сидела рядом, не отпуская ее руку, и думала о чем-то своем. И Ксюшка была за это благодарна дочери. Такой еще молодой, но так рано повзрослевшей дочери.

– Я сегодня, пока в больнице сидели, в клуб позвонила, – Кира нарушила молчание минут через двадцать. – Помнишь Андрея, нашего техника? Молоденький такой... Ты ему еще предлагала к тебе на работу перейти...

– Помню.

– Ему позавчера на тренировке ноги перебило. Кто-то из новичков не удержался и с трассы вылетел. Сам цел, а Андрюху байком снесло... Иваныч сказал, обе ноги отрезали ниже колен... А у него жена... Сынишке год...

– Жесть. – Ксюшка отвела взгляд от креста, и посмотрела в глаза Кире. Но та оставалась все такой же отрешенной. – Вернемся, посмотрю, чем можно помочь парню.

– Спасибо. Но я не об этом... Как ты думаешь, мам, может оно и хорошо, что папа вот так? Сразу... По крайней мере, ты его помнишь таким, каким видела последний раз. Моло-

дым, красивым... А не прикованным к коляске...

– Честно, Кира... Я не знаю, что тебе ответить... – Ксюшка ощутила себя в полной растерянности. – Я никогда об этом не думала...

– Подумай... Я бы предпочла, чтобы тоже... Сразу... – Девушка поднялась и протянула маме руку. – Поехали. Нас заждались уже, наверно.

– И когда ты стала такой взрослой?

Но Кира лишь неопределенно пожала плечами вместо ответа и направилась к своей «Хонде».

За пару дней до отъезда Ксюшка все же решила позвонить Насте и договориться с ней о встрече. Долго сомневалась, но любопытство пересилило. И даже в небольшой уютный ресторанчик, в котором договорились встретиться, она приехала на полчаса раньше, не в силах усидеть дома. Впрочем, Настя тоже приехала раньше намеченного.

– Привет, Ксюха. Давно ждешь?

– Да нет, только успела, что кофе попить. – Ксюшка убрала со стола шлем, освобождая Насте место.

– Ты за рулем?

– Да. Привычка уже.

– Не, я сегодня на такси. Думала, махнем немного за встречу...

– Только если что-то безалкогольное. Я уже давно ничего не пью.

– Все с тобой понятно. – Настя улыбнулась и жестом подзвала официанта. – Ты не против, сегодня я угощаю?

– Валяй. Тогда я тебя домой отвезу.

– По рукам.

Женщины сделали основательный заказ подошедшей официантке, после чего Настя продолжила легкую форму допроса.

– Ну, рассказывай, как ты в бизнес-леди выбилась.

– Долгая история, – улыбнулась Ксюшка.

– Так у нас весь вечер впереди.

– Ну, тогда слушай... Началось все с того, что у меня сломался мотоцикл. Давно, лет пятнадцать назад. Стала искать, где починить могут. Байк-то у меня нестандартный... – Рысь решила ничего от Насти не таить, тем более что особой тайны из этой истории никогда не делала. – Ну и посоветовали мне одного дядьку. Матершинник страшный, но зато руки золотые...

Мастера звали Иван Петрович, или просто Петрович. И Ксюшка не могла определенно сказать, как так получилось, что они сдружились. Да и вряд ли бы кто-то смог. Ну что может быть общего у молодой одинокой матери, тратящей почти все свое время на работу, и всегда немного помятого и нетрезвого сорокалетнего автомеханика. Но, тем не менее, Ксюшка почувствовала в нем родственную душу. Именно она предложила Петровичу рискнуть и открыть свое дело. У нее были некоторые сбережения, сэкономленные с зарпла-

ты, на которые она купила пару недорогих машин, побывавших в незначительных авариях, и необходимые детали для их ремонта. Петрович жил в гараже почти месяц, но полностью восстановил автомобили. И продать их удалось с большой выгодой, которую девушка почти полностью вложила в дело, закупив новые автомобили.

Через полгода, когда Петрович пожаловался ей, что у него нет времени рюмку опрокинуть и ему нужны помощники, Ксюшка поняла, что нужно расширяться, а это потребует от нее полного сосредоточения. Она ушла с работы, взяла кредит и, максимально применяя полученные знания, а порой и просто импровизируя, погрузилась в мир бизнеса. Прошло около пяти лет, и их маленький автосервис превратился в сеть автосалонов, занимающихся исключительно восстановлением и продажей подержанных автомобилей и мотоциклов, к которым чуть позже присоединились собственные автосервисы и автосалоны с новыми машинами. А сама Ксюшка смогла с полной уверенностью считать себя успешной бизнес-леди.

– Петрович умер три года назад... – закончила она свой рассказ. – Золотой был мужик, хоть и алкаш знатный. Единственный, кому прощалось приходить на работу бухим. Иной раз ребята ему специально наливали, когда не могли понять, в чем поломка...

– Рисковая ты стала, Ксюха. А какой тихоней была...

– Ну что поделать, пришлось. А ты как в архитекторы по-

пала?

– А, – Настя махнула рукой. – Когда с Мишкой развелась, вышла из здания суда, оглянулась... Ни образования, ни работы нормальной... Я тогда в магазине в ночь товар выкладывала. Вот так вышла, подумала, а чего я теряю? Села за книги, потом в строительный учиться поступила заочно, работу поменяла на менеджера по продажам в строительной фирме. Отучилась да так в этой фирме и осталась. Платят нормально, работа не пыльная.

– А говоришь, я рисковая. – Ксюшка подмигнула Насте.

– Ну, у меня-то хотя бы родители рядом. Ты, как я поняла, там была вообще одна.

– Нет, не одна. У меня была Кира.

– А с мужем что случилось?

– Разбился. – Ксюшка помолчала, но все же продолжила: – Я по этой причине и уехала. Не могла тут находиться.

– И уже беременна была?

– Да.

– Ксюха. Ты меня поражаешь. Я бы не решилась.

Они просидели до закрытия, предаваясь воспоминаниям. И Рысь постоянно ловила себя на мысли, что не чувствует к Насте той враждебности, с которой уезжала из школы в день выпускного. Прошло все, забылось. Сейчас она видела перед собой простую женщину. Такую же, как и она сама.

Когда же они вышли из ресторанчика, и Настя попыталась поймать такси, Ксюшка остановила ее, напомнив о сво-

ем обещании.

– Не, Ксюх, не надо. Я лучше на такси.

– Ты боишься? – спросила Рысь и улыбнулась.

– Немного... Я никогда не ездила...

– Так, говори адрес и садись. Дракон стоит того, чтобы на нем прокатиться. Поверь.

Настя подчинилась. Ксюшка ввела адрес в навигатор, улица оказалась ей не знакома, надела шлем, и Дракон взревел двигателем, уверенно набирая скорость. Ребра стиснули неожиданно крепкие объятия, но Рысь только увеличила скорость. И долго потом жалела, что эта поездка продлилась всего несколько минут. Потому, что вид раскрасневшейся от нахлынувшего адреналина школьной подруги стоил того, чтобы сегодня приехать на эту встречу.

– Ксюха, блин... Теперь понимаю, почему ты в это удари-лась. Круто-то как...

– Это в первое время, потом привыкаешь, – ответила Ксюшка. – Ладно, Насть, я поеду. Послезавтра обратно в Москву. Собираться надо.

– Спасибо, что нашла время встретиться. Я, честно, очень за выпускной переживала, что ты совсем на меня обиде-лась...

– Да ладно тебе, столько лет прошло.

– А совесть один черт мучила. Я ведь думала... Блин, да что я только не передумала. Ксюх, прости меня за то...

– Стоп, – остановила ее Ксюшка. – Простила. Поеду я,

Насть. Звони, если что. Или приезжай.

Рысь обняла подругу и, больше не говоря ни слова, уехала.

Снова под колесо ложилась прерывистая линия разметки, а восходящее солнце вставало за спиной, освещая путь. Только на этот раз на сердце было легко, а рядом все так же уверенно шла небольшая шоссейная «хонда». С нарисованной на баке летучей мышкой. Подарок примчавшейся к выписке Риты из больницы Лисы.

Кобру выписали через неделю. Хотя точнее было бы сказать, что Кобра вырвалась только через неделю. Врачи до последнего дня все сомневались в состоянии ее здоровья. Слишком уж солидный возраст для родов, тем более первых. Но, в итоге, то ли устав слушать отборную матерщину на дух не переносящей больничного покоя пациентки, то ли не найдя убедительных поводов для беспокойства, ее отпустили под наблюдение докторов районной поликлиники. И Ксюшка была абсолютно уверена, что Рита там не появится. По крайней мере, по доброй воле.

Встречать молодую маму тоже пришлось Ксюшке. Стелс так и не смог вырваться из Казани и обрывал телефон, пока женщина не обматерила его и не отключила коммуникатор. Зато собралась почти вся стая. Все, кто смог отложить свои дела и приехать. А потому вышедшую из дверей родильного отделения Кобру, прижимающую к груди новорожденного сына, приветствовал оглушающий рев двух десятков мо-

тоциклетных двигателей и гостеприимно распахнутые двери единственного автомобиля – седана Ксюшкиного папы.

Но сердце было легким не по этому.

Не потому, что маленький комочек, названный в честь погибшего семнадцать лет назад дяди Василием, мирно спал на руках у своей мамы, не обращая внимания на происходящее вокруг. Она была рада, что с Коброй и малышом все хорошо, но не это принесло ей долгожданный душевный покой.

На душе стало легко после разговора с Кирой накануне отъезда. Ксюшка как раз проверяла свой дорожный набор. Медикаменты, средства личной гигиены и прочие мелочи, которые могут понадобиться в дальней дороге, когда в комнату зашла Кира. Как всегда слегка отрешенная. И только заглянув дочери в глаза, женщина поняла, что та чем то взволнована.

– Мам. Не отвлекаю?

– Нет, Кира. Что случилось?

– Я сегодня опять в клуб звонила. Помнишь, я про Андрея тебе рассказывала?

– Ну? – Рысь упаковала дорожный набор в сумку и, сев на диван, внимательно посмотрела на стоящую у окна дочь.

– От него жена ушла. Забрала сына и ушла. Андрюха с собой покончить пытался. Хорошо, ребята его одного не оставляют сейчас... Ты как хочешь, а я завтра уеду. Мне там сейчас нужно быть.

– Ну, я и так собиралась возвращаться... А позволю нескромный вопрос, что за интерес такой к этому парню?

– Иррациональное чувство влечения... А тетя Рита говорит, что моногамность у нас генетическое. – Кира едва заметно улыбнулась.

– А генетика – страшная сила... – вполголоса закончила Ксюшка. – Поехали, Мышонок, прокатимся.

Прозвище Мышонок закрепилось за ней как то само, после того, как ее приняли в стаю. Амулет она выбрала сама, вытащив из маленькой коробки кулон в виде летучей мыши.

– Куда?

– Победим последний страх твоей мамы...

Ровно тридцать минут, и два мотоцикла остановились у городского кладбища. Ксюшка не торопясь заглушила мотор, купила цветы в расположенной при входе лавке и уверенно пошла на территорию. Кира всеми силами старалась не отставать.

Даже несмотря на сомнамбулическое состояние и прошедшие годы, дорогу к могиле Ежа Ксюшка помнила едва ли не лучше, чем дорогу домой. А потому поиски не заняли много времени. Рысь уверенно прошла в приоткрытую калитку невысокой ограды и опустилась на колени перед простеньким памятником. Сзади тихо села на лавочку Кира.

– Привет, Ежик, – прошептала Ксюшка. – Прости. Давно надо было сюда приехать... Боялась... Прости...

– Папа...

Это не было вопросом. Кира внимательно смотрела на фотографию на памятнике и не могла не заметить, как она сама похожа на парня с этой фотографии. Но Ксюшка все же решила уточнить.

– Да. Ежик... Моя боль...

– Папа...

Ксюшка обернулась... Кира плакала. Не билась в истерике, оглашая окружающий мир рыданиями, а продолжала спокойно сидеть, только слезы текли по ее щекам.

– Знаешь, мам, я после того случая с автовозом ведь думала, что все, крыша едет. А теперь даже не знаю, что и думать...

– Ничего не думай. Просто знай, что у тебя есть свой ангел-хранитель...

– А у тебя? – Девушка вытерла слезы, и перевела взгляд на маму.

– И у меня. У меня, даже, два ангела, пожалуй.

– Как это?

Рысь положила один из двух купленных букетов к постаменту памятника, провела кончиками пальцев по фотографии и рывком поднялась.

– Пойдем.

Еще несколько минут, и они остановились у другой могилы.

– А тут кто? – спросила Кира, рассматривая фото на памятнике.

Ветер... Артур. Брат твоей бабушки. Ее боль...

– Не боль, мам. Сила...

– Что?

– Эти потери сделали вас сильнее. Через боль и слезы, но тем не менее. Да и не хочу я, чтобы Андрей стал моей болью... Лучше силой...

Ксюшка, в который уже раз, с удивлением посмотрела на Киру.

– Почему я не заметила, как ты выросла?

– Ты много работаешь. И мы редко бываем вместе так долго.

– Прости...

– Все в порядке, мам. Мне хватает ума понять, что так и должно быть. И ты самая лучшая мама. Пойдем отсюда.

«Хонда» резко вильнула и, сбавив скорость, пристроилась рядом. Глаз мотоциклистки сквозь тонировку видно не было, но Ксюшка и так знала, что эти глаза сейчас сияют счастьем. Что Кира с трудом сдерживает себя, чтобы не выжать из своего мотоцикла все, на что тот способен. И в голове, в который уже раз пронеслась фраза, оброненная этой маленькой, не по годам взрослой гонщицей, сказанная на выходе с кладбища. Фраза, давшая, наконец, покой.

– Я хочу быть такой же, как ты, мам. Такой же смелой.

– А я разве смелая? – удивилась Ксюшка.

– Далеко не каждый человек решится уехать в никуда. Тем

более в твоём положении. А вернуться туда, откуда убегаешь, и вовсе могут единицы. Ты умеешь смотреть в лицо своим страхам. Ты смелая.

Ксюшка махнула рукой, давая Кире знак, что можно не ждать. Путевые точки вбиты в навигатор дочери, так что мимо гостиницы не проедет. «Хонда» ускорила и растаяла где-то впереди.

«Тебе удалось главное, Рыська. Ты стала примером для своего ребенка. Ты умничка».

Рысь повернула голову чуть влево. Рядом шел черный «Урал». С маленьким лихим ежиком на баке. Водитель «Урала» несколько секунд держал свой мотоцикл возле ее Дракона, после чего резко рванул вперед и растворился в потоке.

«Увидимся, Рыська».